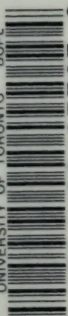

UNIVERSITY OF TORONTO DUPL

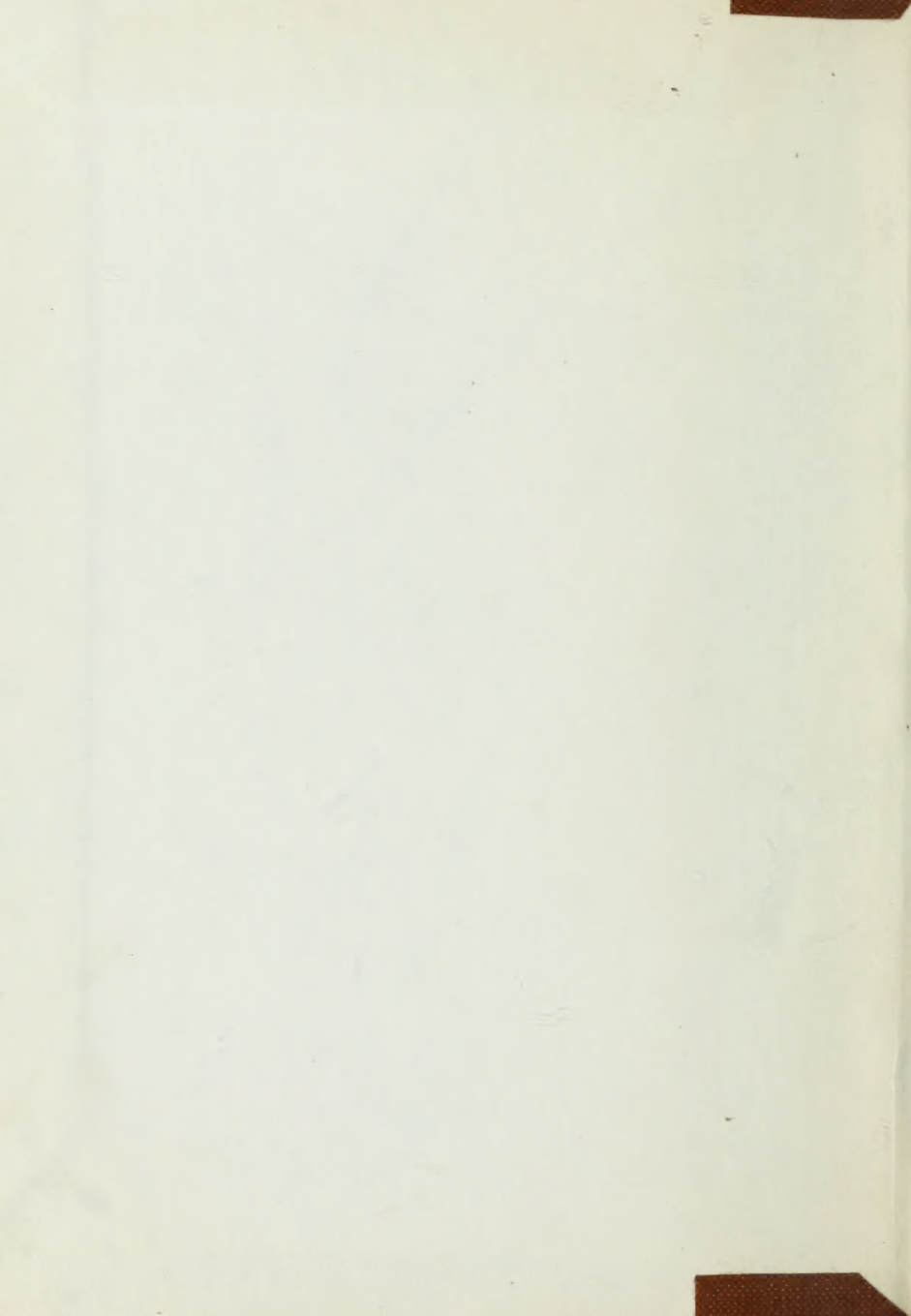
3 1761 00107737 9

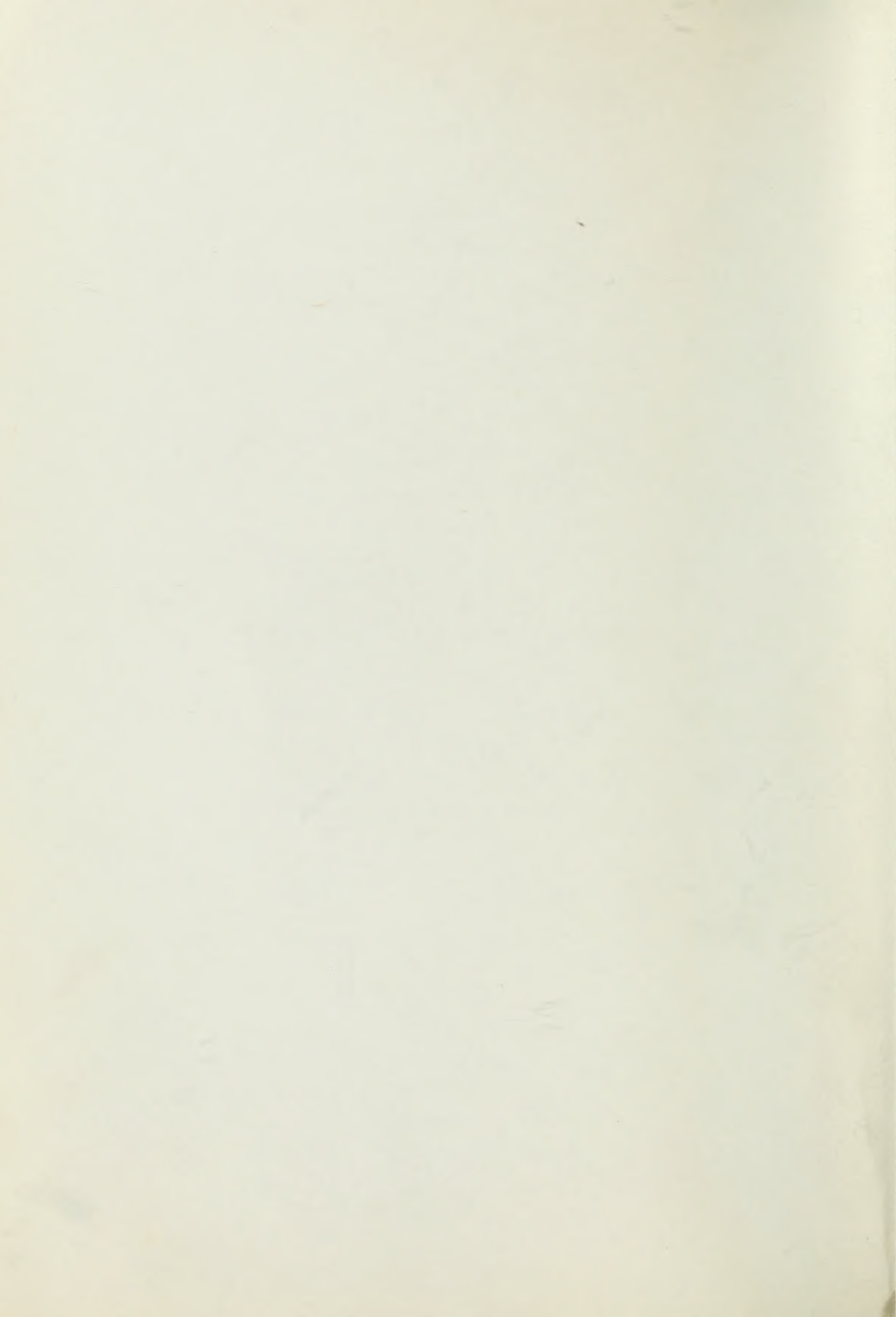
PG

3476

Z34

02

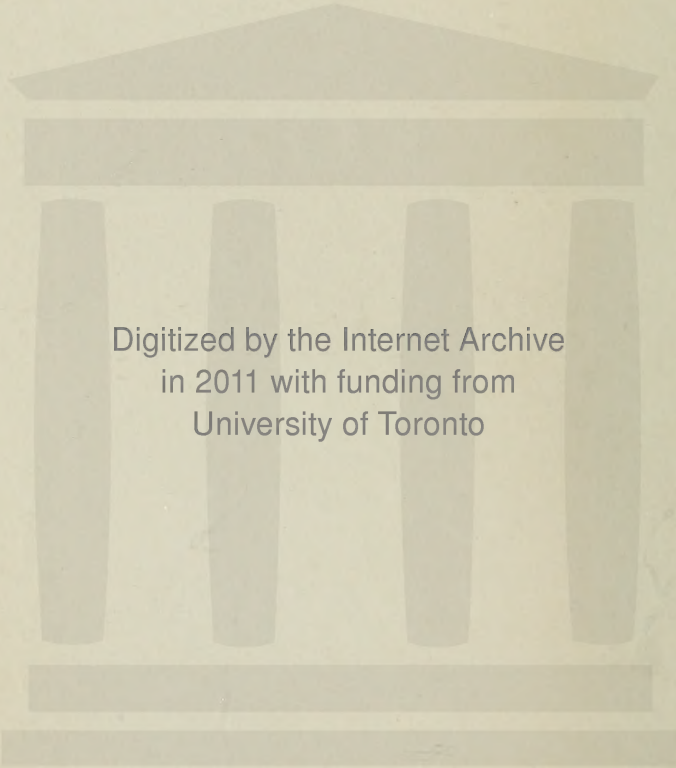

Zamiatin, Evgenii Ivanovich
ЕВГ. ЗАМЯТИН

O tom, kak istselen byl otrok
Erazm
О
ТОМ
КАК
ИСЦЕЛЕН
БЫЛ
ОТ РОК
ЕРАЗМ

РИСОВАЛ
В. КУСТОДИЕВ
ИЗД.
"ПЕТРОПОЛИС"
П. Б. 1922

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

Блаженно́й (парце
 памве́ + ере(п)е,
 жароципои прѣ=
 муаро(пи)го,
 мнорих прои(=
 шѣаших чудѣ(=
 нб)х знаменнах
 пом, как бѣл
 ицѣленнок
 ерѡзм.

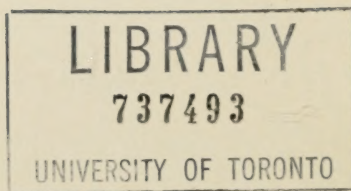
Евг. Залитини

Настоящее изданіе отпечатано въ ко-
личествѣ одной тысячи нумерованныхъ
экземпляровъ. Изъ нихъ сто римской
нумераціи въ продажу не поступаютъ.

ЭКЗЕМПЛЯРЪ № ~~838~~ 87

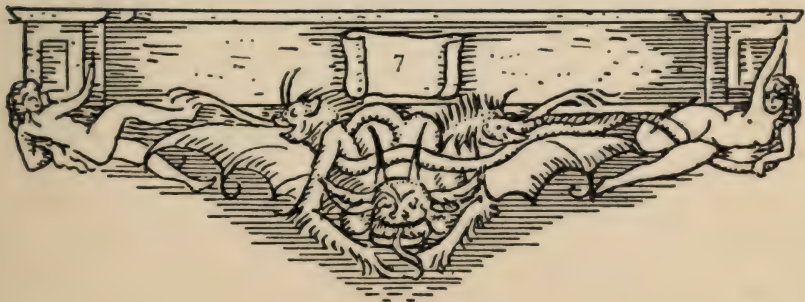
PG
3476
Z34
O2

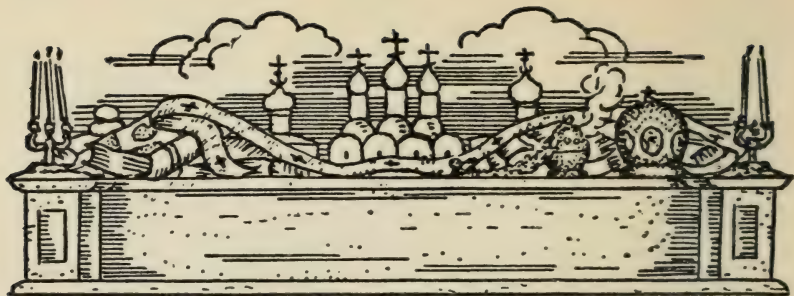

О ТОМЪ
КАКЪ ИСЦѢЛЕНЪ БЫЛЪ
ИНОКЪ ЕРАЗМЪ

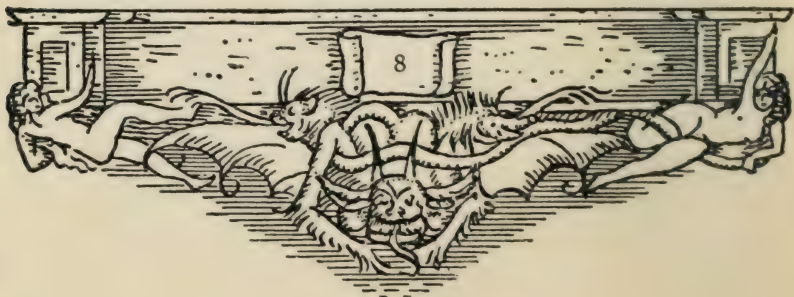
казанный инокъ
Еразмъ еще во чревѣ
матери посвященъ былъ
Богу. Родители его дол-
гие годы ревностно, но
 тщетно любили другъ
друга и, наконецъ, исто-
 щивъ всѣ суетныя сред-
ства, пришли въ оби-
тель къ блаженному
Памвѣ. Вступивъ въ
келью старца, жена
преклонила предъ нимъ
колѣни, но стыдъ жен-
скій запечаталъ ей уста,
и такъ молча предстояла
старцу. Блаженному же
Памвѣ и не надо было

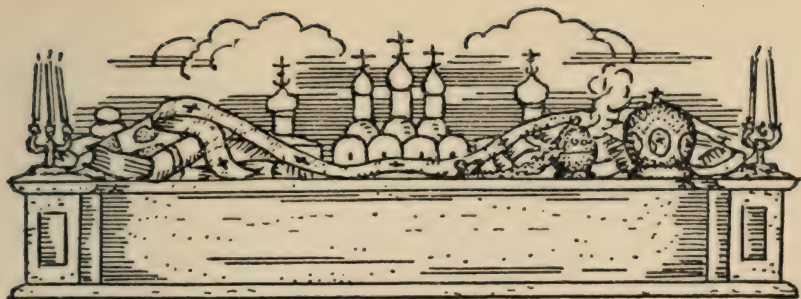

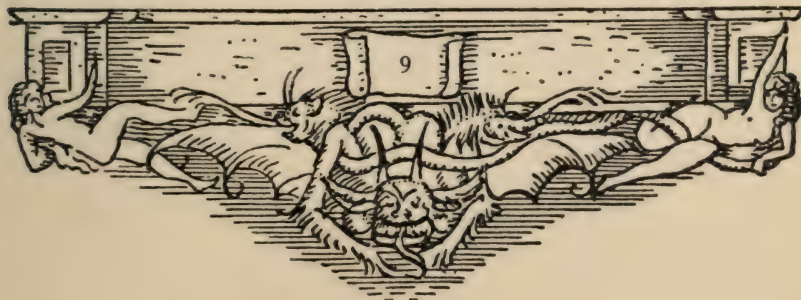
словъ: отъ юности —
тѣлныя женскія одеж-
ды были ему какъ бы
стеклянныя, и сквозь
нихъ тотчасъ увидѣлъ
онъ горькія безплодіемъ
ложесна женщины. —
Оставь скорбь, женщи-
на, — сказалъ ей ста-
рецъ. — Сядь здѣсь и
раздѣли со мной тра-
пезу. Такъ сказавъ,
взялъ печеную рыбу,
вынулъ молоки и бла-
гословивъ подаль ихъ
женщинѣ. Та со слезами
и вѣрой причастилась
благословенной пищи
и внезапно ощутила въ

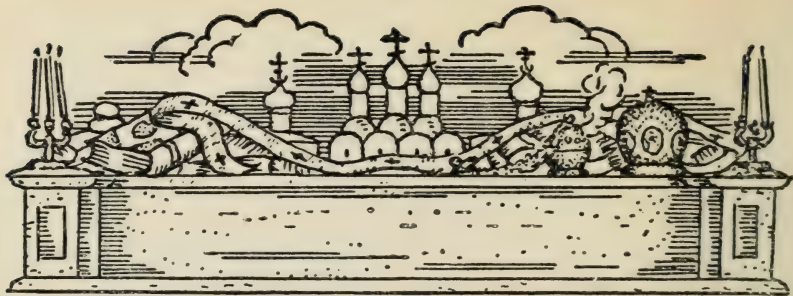
себѣ трепетаніе, какъ если бы приняла мужа въ лоно свое. Когда
увидѣлъ старецъ Памва, что уже вновь раскрылись завѣщенные очи
ея и пурпуръ вновь окрасилъ поблѣднѣвшія на малое мгновеніе
ланиты, онъ улыбнулся ей, сказавъ: — Отнынѣ мужъ твой уже не

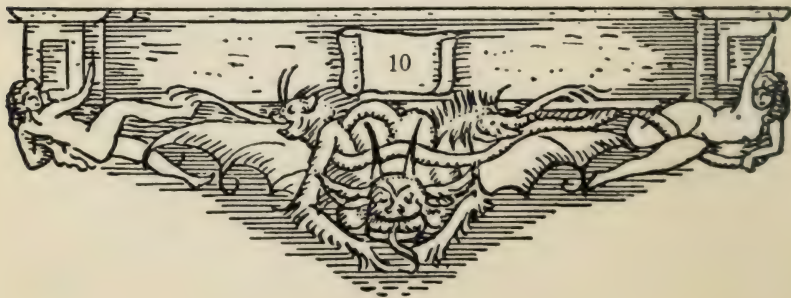
будеть подобенъ пахарю, воздѣлывающему песокъ, и трудъ его принесеть плоды. Но первенца твоего, когда онъ научится пѣть хвалу Зародившему его и Зарождающему тьмы, — первенца своего ты приведешь въ обитель и оставишь мнѣ. Послѣ того много разъ солнце вставало надъ обителью и сѣяло золотое сѣмя свое въ синій снѣгъ и въ черныя весеннія нѣдра, вздымалось стеблѣ травъ и, совершивъ заповѣданное, вновь клонилось долу. И лишь старецъ Памва былъ попрежнему прямъ, какъ крестное дерево кипарисъ, и все такъ же крѣпокъ былъ серебряный вѣнецъ его мудрыхъ сѣдинъ, и многихъ исцѣлялъ убогихъ мужей, и одержимыхъ бѣсами, и неплодныхъ женъ, въ чемъ

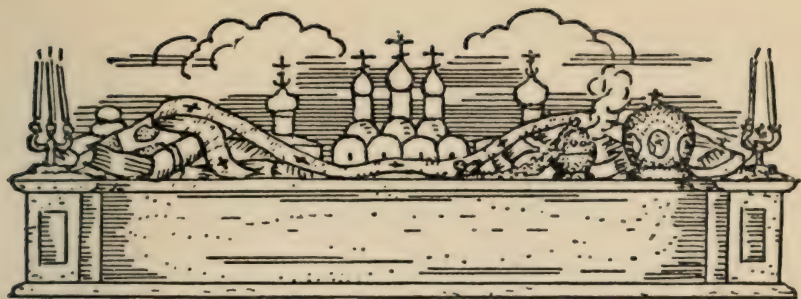

видѣли иные силу вкушаемой старцемъ благословенной пищи. И вотъ въ день Пятидесятницы, совершивъ положенныя службы, вышелъ старецъ Памва изъ храма. Раченіемъ братіи бѣлыя плиты предъ храмомъ были усыпаны весенними благоуханными травами, и вѣнками были увѣнчаны кресты на могилахъ почившихъ и нынѣ сорадовавшихся вмѣстѣ съ живыми, иноковъ. И украшенный вѣнкомъ зеленымъ

предсталъ блаженному Памвѣ златоволосый отрокъ, ведомый за руку женщиной. — Въ сей день брачный земли — войди и живи съ нами, отрокъ Еразмъ, — сказалъ старецъ Памва и уже поднялъ руку благословить отрока, но въ тотъ же часъ два бѣса, принявшіе

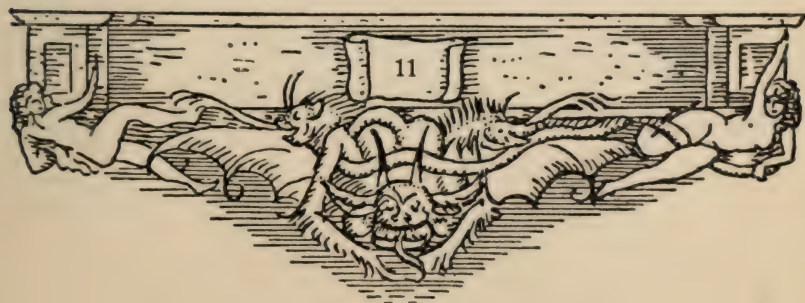

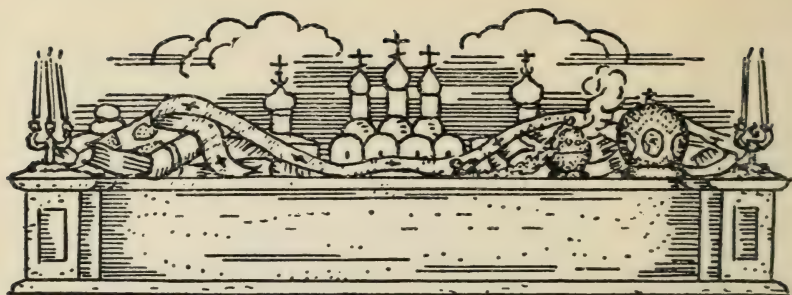

образъ голубиный, съвѣ
на крестѣ могильномъ
и уронивъ на землю
вънокъ, предались плот-
скому неистовству. —
Онъ ее заключаетъ! Ос-
вободи ее, добрый ста-
рецъ! — вскричалъ от-
рокъ Еразмъ къ бла-
женному Памвѣ. Ста-
рецъ Памва поднялъ
глаза на бѣсовъ — тѣ
истаяли дымомъ на ви-
ду у всѣхъ, не окончивъ
своей непристойной
игры. Старецъ же воз-
ложилъ на Еразма руки,
сказавъ: — Счастливъ
удѣлъ твой, братъ

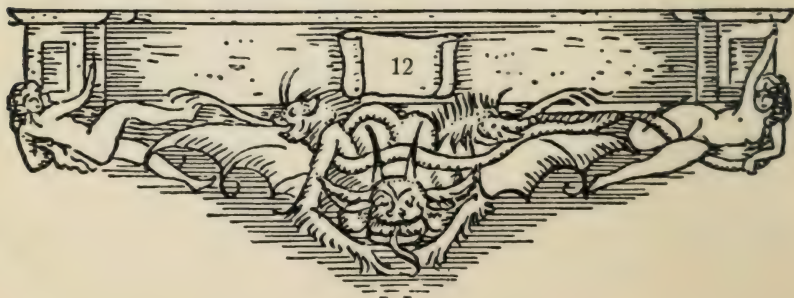
Еразмъ, и тяжель онъ, ибо уже раскидываютъ надъ тобой бѣсы свою
сѣтъ, но они ищутъ лишь цѣнной добычи. И, чтобы блюсти Еразма
отъ козней бѣсовскихъ, блаженный Памва поселилъ его въ своей
кельѣ. Юный инокъ Еразмъ служилъ старцу, подавая ему воду

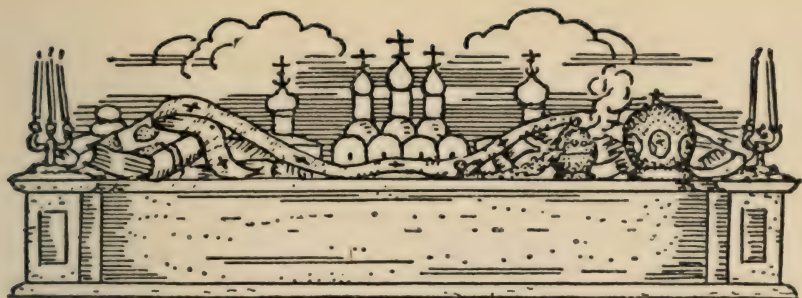

для омовенія, скудную пищу, кадильницы, свѣчи, и неразъ видѣлъ, какъ онъ цѣлилъ больныхъ и прозрѣвалъ души приходившихъ къ нему, какъ если бы одежда и самое тѣло ихъ были изъ стекла. — Какъ смотришь ты, отче, чтобы читать въ душахъ ихъ? — спросилъ старца Еразмъ. — Я смотрю въ глаза, — отвѣчалъ старецъ Памва. — Тѣло человека — все обитаетъ въ этомъ мѣрѣ и только глаза его — суть колодцы, про-

ницающіе съ поверхности этого міра въ тотъ мѣръ, гдѣ ихъ души. Какъ разноглубоки колодцы въ землѣ, такъ разноглубоки они и въ человѣкѣ. И чѣмъ глубже, тѣмъ ближе къ обителямъ божественнымъ, но и къ вратамъ преисподней. — А у меня? — спросилъ

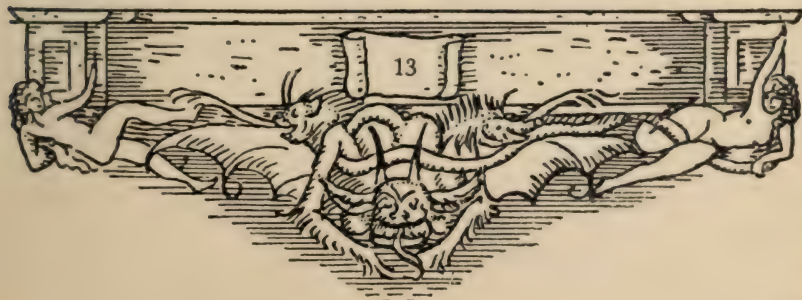

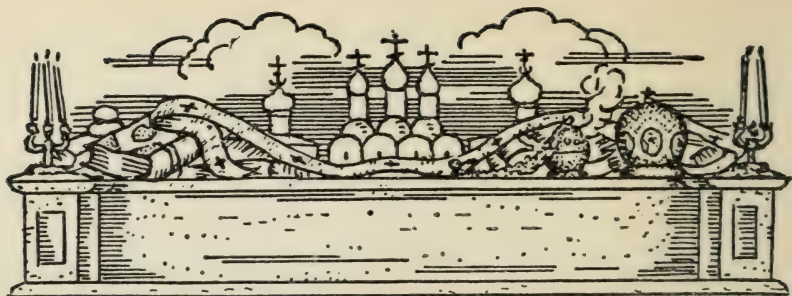

инокъ Еразмъ. Но ничего не отвѣтилъ мудрый старецъ, погружившись въ молитву. Ибо не видѣлъ дна въ тѣхъ синихъ колодцахъ, прикрытыхъ сверху легкимъ, непрочнымъ наметомъ рѣснищъ. Такъ искушенный путникъ опасно ходить по невѣдомымъ дорогамъ, минуя влекущія нѣжной зеленою мѣста, чтобы не погрузиться въ коварную хлябь. Вскорѣ инокъ Еразмъ сталъ весьма искусенъ въ чтеніи и письмѣ. И когда

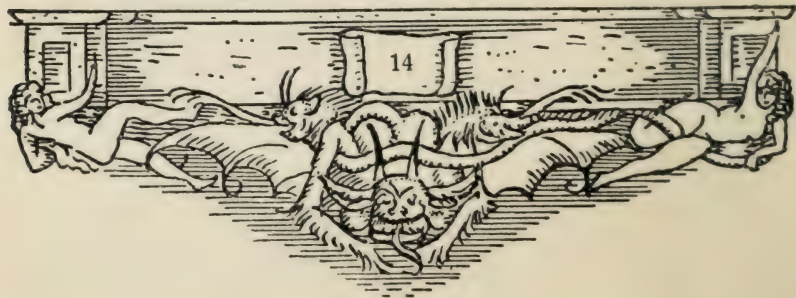
блаженный Памва уставалъ отъ молитвъ, и отъ бесѣдъ съ приходившими искать мудрости его, и отъ бореній съ неустанно, какъ мухи, осаждавшими его бѣсами, — инокъ Еразмъ читалъ ему вслухъ нѣчто отъ Библии, или отъ Житія святыхъ нашихъ отецъ, или отъ

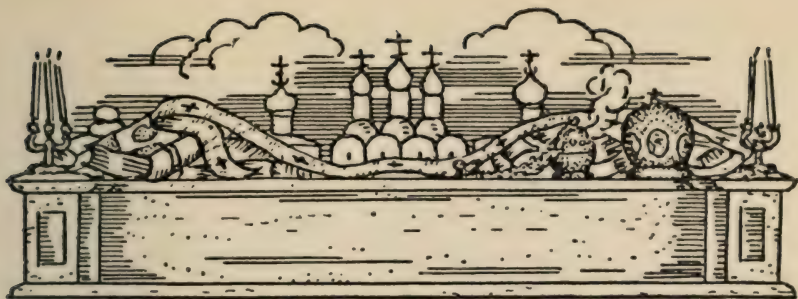

Цвѣтниковъ и Изборниковъ отеческихъ. — Былъ голосъ у юнаго инока чистоты, подобной звенящему съ высотъ горнему крину, и какъ на пути быстрыхъ водъ горняго крина спаленный солнцемъ холмъ облекается зеленой одеждой, упещренной бѣлыми, и багряными, и синими, какъ твердь, цвѣтами — такъ поливались сладкимъ и буйнымъ сокомъ читаемая Еразмомъ слова. И слыша ихъ странную и какъ бы уже не

божественную прелесть, старецъ Памва прекращалъ чтеніе, говоря: — Я помолюсь, Еразмъ. Выйди и читай одинъ. И уже во внѣ келіи, на бѣлыхъ и горячихъ отъ солнечнаго дыханія камняхъ, вновь раскрывалъ Еразмъ залитые восковыми слезами листы древней

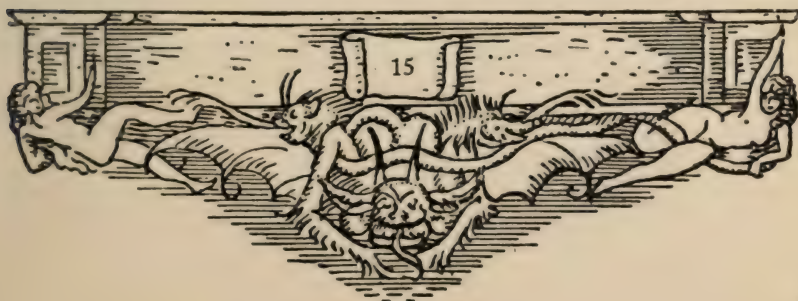

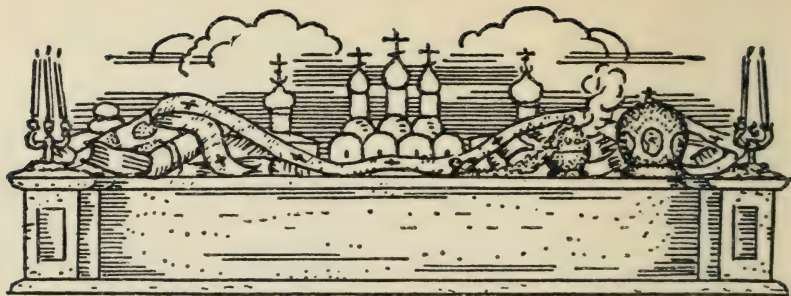

книги и читалъ отъ нея. И упоенный виномъ словеснымъ не слышалъ, что творилось вокругъ, и не видѣлъ, и не вѣдалъ, что есть чтеніе его. Однажды въ такой часъ, истомившись зноемъ, поднялъ блаженный Памва ставень въ кельѣ и изумленно остановился, услышавъ за окнами тяжкіе вздохи и стenanія, какъ бы огромнаго звѣря. Вышедъ, увидѣлъ онъ Еразма на ступеняхъ келіи съ книгой, а

кругомъ — иноковъ, юныхъ и зрѣлыхъ, и старцевъ, и какъ бы отъ чрезмѣрнаго бѣга — лица у всѣхъ красныя, а дыханіе часто, и многіе стenanли отъ неистовой нѣкой муки, и яростно, оберувъ, охватывали бѣлое тѣло березъ, и упавъ ницъ, лобызали

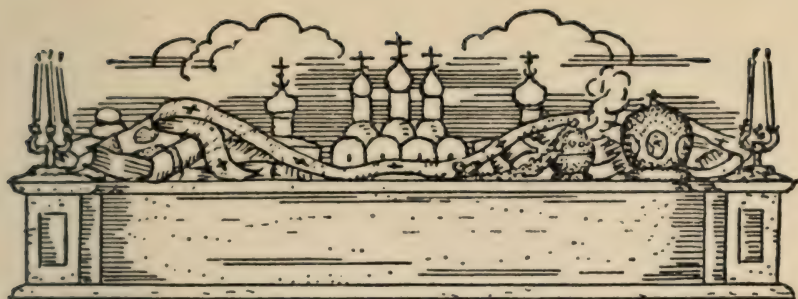

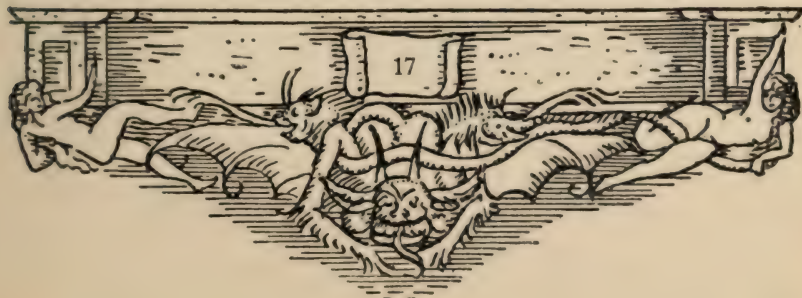
круглые, подобные чер-
ву, камни. — Что, бе-
зумный, сдѣлалъ ты
съ ними? — спросилъ
старецъ въ гнѣвѣ. —
Я читаю имъ отъ свя-
щенныхъ книгъ, — от-
вѣчалъ простоудшно
Еразмъ. Полагая, что
нашептанный бѣсами,
юный инокъ осквернилъ
себя ложью, старецъ
Памва подступилъ бли-
же и, опустивъ взоръ
свой на листы древ-
ней книги, увидѣлъ, что
неправо помыслилъ
такъ объ Еразмѣ, ибо
читалъ онъ Пѣснь Пѣс-

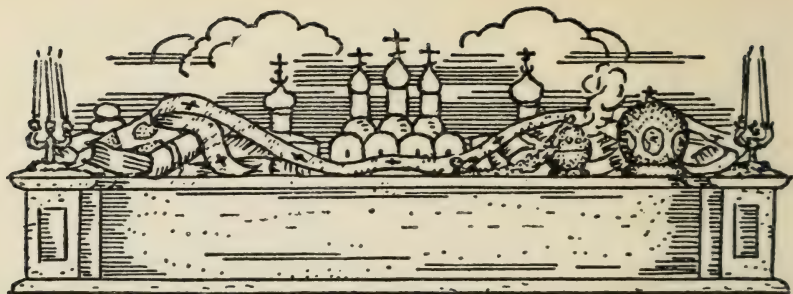
ней мудрѣйшаго среди смертныхъ и пророка предъ Господомъ.
Тогда уразумѣлъ блаженный старецъ, что инокъ Еразмъ — неви-
нень, но вина братіи. И сказалъ имъ: — Съ какими помыслами
вы, нечестивые, слушали слова о божественной любви къ чистѣйшей

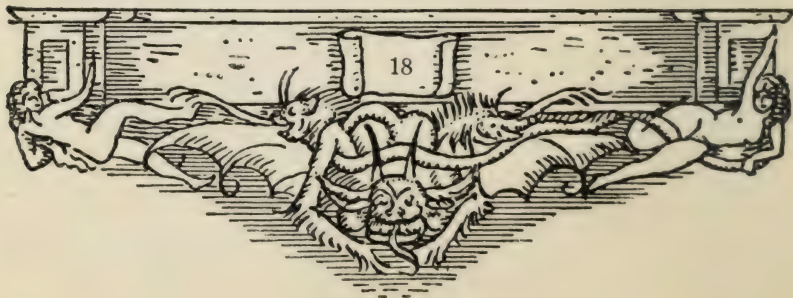
невѣсть нашей — церкви? Но братія молчала. — Поднимите, злодушные, ваши очи вверхъ и увидите. На краткое мгновеніе, по молитвѣ блаженнаго Памвы, отверзались ихъ духовныя очи, и увидѣли всѣ: невысоко, на уровнѣ кровель обительскихъ, клубилась надъ ними тяжкая туча, пронизанная вся краснымъ, какъ кровь. И еще погода мало, увидѣли, что это не кровь, но клубы тучныя свисали ввидѣ женскихъ персей, съ обращенными внизъ пурпурными остріями сосцовъ, и волновались клубы ввидѣ чашеподобныхъ лонъ и увитыхъ легкой тканью лядвей и чреселъ. Пораженные видѣніемъ, иноки безмолвствовали. А туча бѣсовской прелести, по

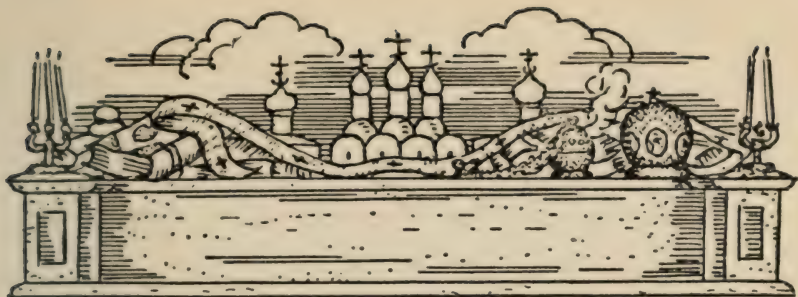

мановенію блаженнаго старца, содрогнулась и пролила густой и бѣлый, какъ молоко, дождь. — Видите ли, что сѣте вы помыслами своими? — спросилъ ихъ блаженный Памва. — Прости, отче, видимъ, — отвѣчали устыженные иноки. И съ того дня юный Еразмъ запрещенъ былъ Памвою въ чтеніи книгъ, но приставленъ къ иному дѣлу, гдѣ бѣсы не могли уже обратить во зло лѣпоту его нѣжнаго голоса: подѣ неусып-

нымъ надзоромъ старца инокъ Еразмъ сталъ обучаться писанію иконъ. Опасаясь козней бѣсовскихъ, старецъ Памва отъединилъ Еразма отъ прочей братіи, затворивъ его въ малой келіи, и уже никто не видѣлъ и не слышалъ Еразма — только старецъ. И

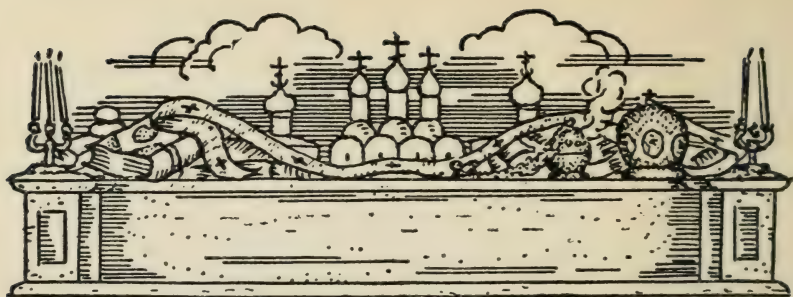

были стѣны въ той келіи бѣлы, какъ одежды браконейскусной дѣвы, и было малое, одѣтое рѣшеткой окно. Послѣ полудня легла на стѣнѣ тѣнь отъ рѣшетки и поступью неспѣшной шла все выше, и въ часть, когда рѣка раскрывала солнцу лоно свое, останавливалась тѣнь на сводахъ и гасла, а внизу, на дѣвственной одеждѣ стѣны, проступало багряное, какъ отъ крови, пятно. И снѣдаемый невѣдомымъ горѣніемъ, приближался инокъ Еразмъ къ стѣнѣ и осязалъ багряное пятно, какъ бы ожидая нѣжной кровью окрасить персты. Но на утро, какъ прежде, сіяла стѣна цвѣтомъ невинности и, входя въ келію, тайно радовался старецъ Памва, что даже самый

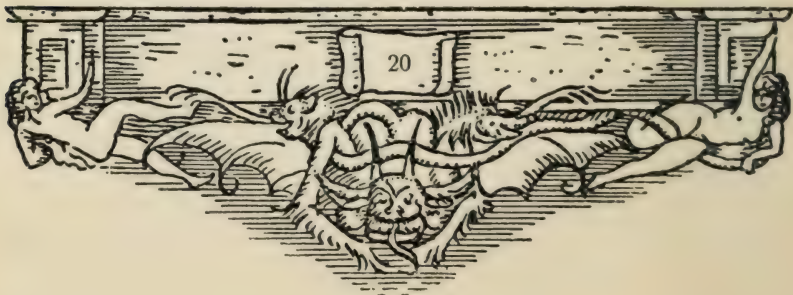
мимъ горѣніемъ, приближался инокъ Еразмъ къ стѣнѣ и осязалъ багряное пятно, какъ бы ожидая нѣжной кровью окрасить персты. Но на утро, какъ прежде, сіяла стѣна цвѣтомъ невинности и, входя въ келію, тайно радовался старецъ Памва, что даже самый

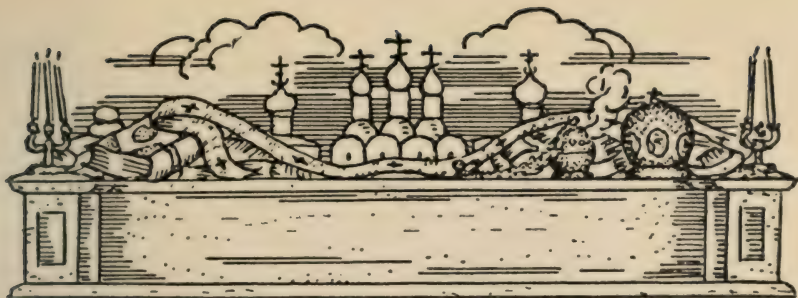

видѣ стѣны долженъ убѣлять помыслы юнаго инока, и радовался, видя съ какимъ тщаніемъ и искусствомъ прилежить онъ къ великому и божественному дѣлу писанія иконъ. Въ то время случилось блаженному Памвѣ исцѣлить нѣкую знатную жену, именемъ Марія: власть надъ нею имѣлъ бѣсъ, толкавшій ее къ неудержному и насытому любодѣянью. И всего лишь трижды коснувшись перстомъ ея па-

лимаго блуднымъ пламенемъ естества, насытилъ ее покоемъ блаженнымъ старецъ, и освободилъ отъ власти бѣсовской. Было же имя той жены въ честь преподобной Маріи Египетской, и сказала жена, исцѣлѣвъ, старцу: — Молю тебя, отче, если имѣешь кого,

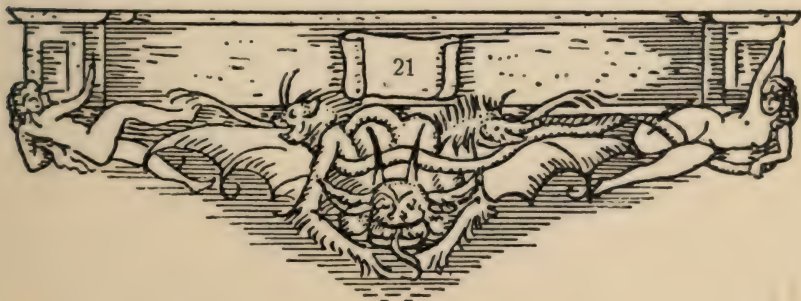

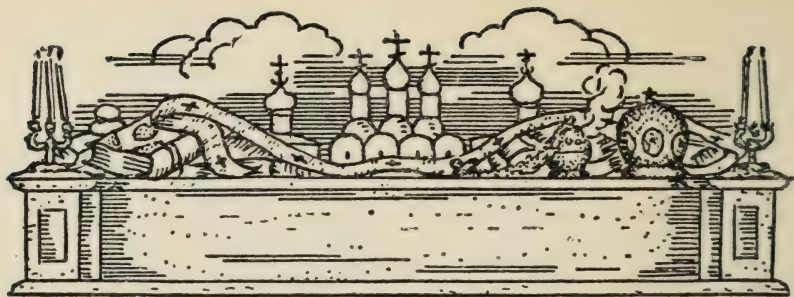

искуснаго въ писаніи
иконъ, повели ему на-
писать житіе препо-
добной Маріи и страст-
ныя муки ея, и изящ-
ныя дѣянія въ пустынь
Египетской. По напи-
саніи же, я, заключивъ
себя въ келіи, со сле-
зами буду взирать на
образъ житія препо-
добной и потщусь ид-
ти по стопамъ ея. Бла-
женный Памва въ
тотъ же день призвалъ
Еразма и спросилъ его,
сказавъ: — Знаешь
ли ты страстное житіе
преподобной Маріи
Египетской? Еразмъ отвѣчалъ: — Прости, отче, не знаю. И далъ

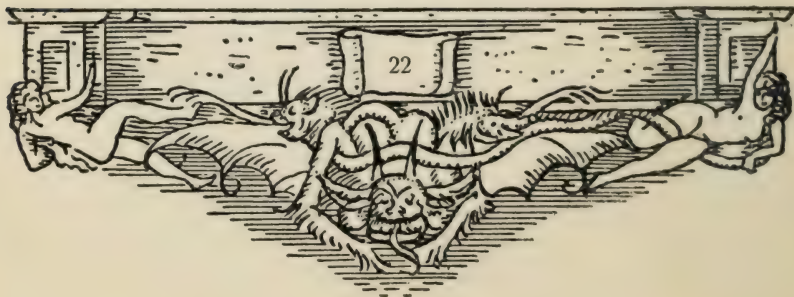
ему старецъ разогнутую книгу Четій-Миней и указалъ читать
житіе преподобной. И читалъ Еразмъ весь день, оставивъ нетро-
нутой пищу. И уже вечеръ, погасла на сводахъ келіи тѣнь отъ

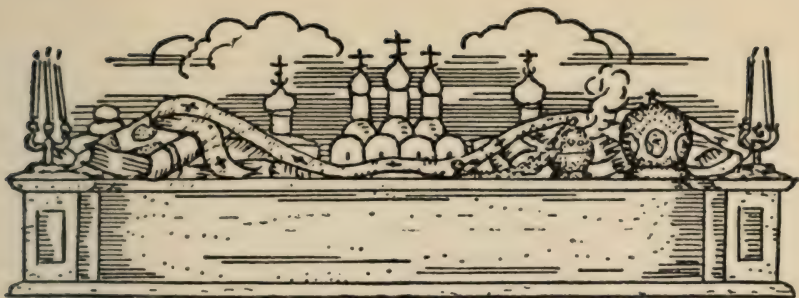

рѣшетки. Зажегъ лампаду Еразмъ, и вновь читаль, какъ прекрасная тѣломъ дѣва свѣтью красоты влекла юношей и мужей александрийскихъ на ложе свое, и какъ на обуруваемомъ волнами кораблѣ опала всѣхъ несатымъ огнемъ страсти своей, и какъ, заточивъ себя въ пустынь, снѣдаемая жаждой смѣшенія, взывала о помощи къ Небесному Жениху. И этотъ послѣдній ея ликъ — въ пустынь, съ очами,

задернутыми легкой мглой, какая повисаетъ надъ палимой неистовымъ зноемъ далью, съ устами, разверзтыми, какъ иссохшая безъ дождей земля, — этотъ ликъ преподобной написалъ Еразмъ въ серединѣ образа. У ногъ же ея — желтый песокъ, и травы, и

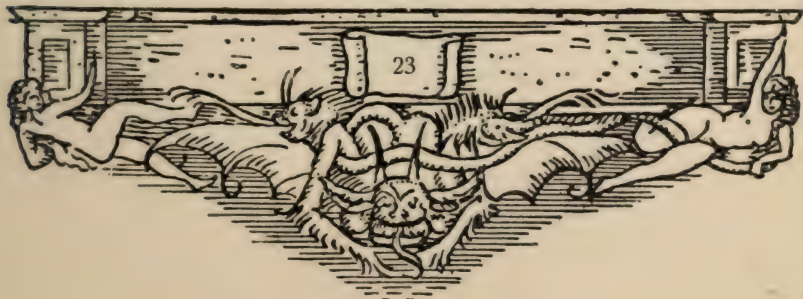

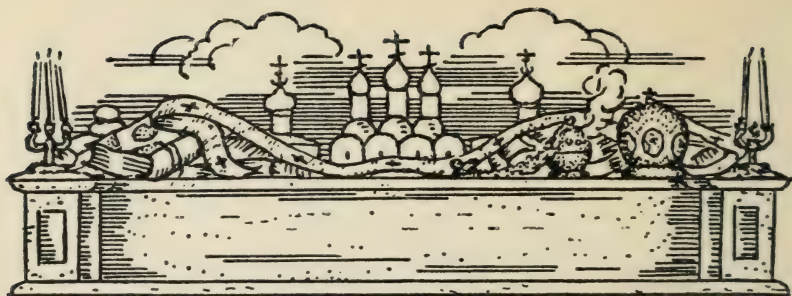

цвѣты сожженные зно-
емъ, истекающимъ отъ
солнца, или отъ тѣла
преподобной, скрытаго
подъ тонкой бѣлой
одеждой. И не слы-
шаль Еразмъ, какъ въ
кѣлтѣ къ нему вошелъ
старецъ Памва и сталъ
за плечами его, какъ
бы ангель — хранитель.
Долго смотрѣлъ бла-
женный старецъ на
образъ преподобной и
сказалъ Еразму: — Пох-
вально раченіе твое,
и вижу на тебѣ пе-
чать дара Божія. „Точ-
но ли Божія?“ —

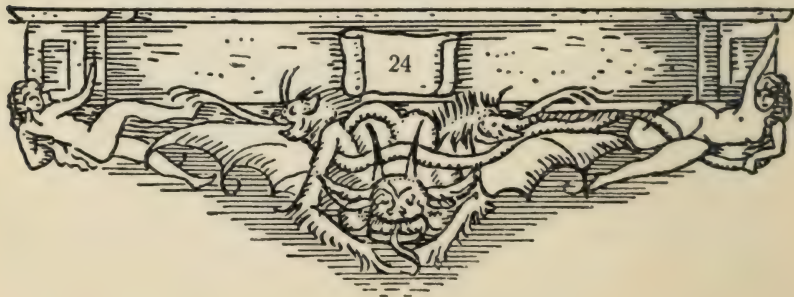
промыслилъ про себя старецъ. Но есть еще несовершенство въ
писаніи твоёмъ: прекрасенъ ликъ у преподобной жены, но подъ
хитономъ ея вижу я тѣло не жены, а мужа. Ибо еще юнъ ты
и еще долженъ увѣдать тайны созданной Господомъ изъ ребра

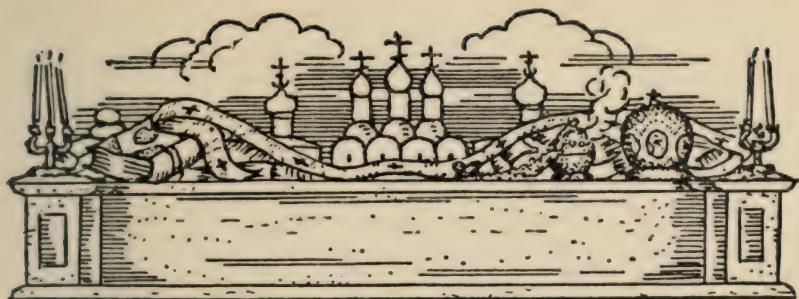

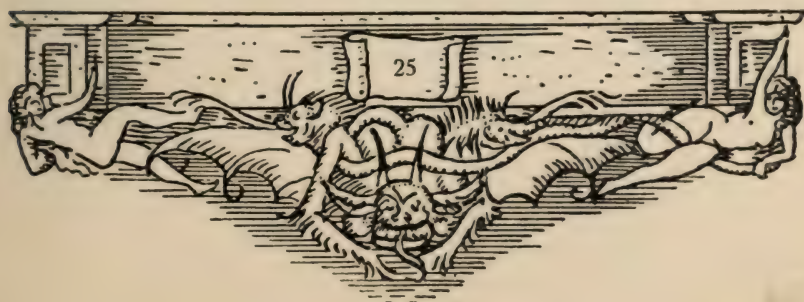
Адамова. Так сказавъ, вышелъ старецъ: уже проступала вечерняя кровь на непорочно-бѣлой одеждѣ стѣны, и чугунное било звало братію въ храмъ. Еразмъ же разрѣшенъ былъ старцемъ отъ церковной молитвы и остался въ келіи одинъ. Опеченный палъ Еразмъ передъ образомъ и жарко молился, вопія: Умилосердись, преподобная, научи меня познать честное тѣло твое, дабы могъ я достойно прославить

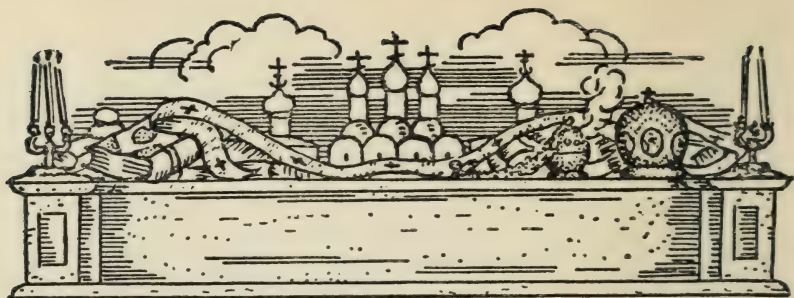
тебя. Но здѣсь услышалъ онъ сзади тихій, едва слышимый смѣхъ. Обращившись изумленно, искалъ онъ, кто могъ взойти въ келію — и увидѣлъ лишь на рѣшеткѣ окна двухъ играющихъ голубей. Въ тотъ же часъ вспомнилъ Еразмъ голубей на могильномъ крестѣ

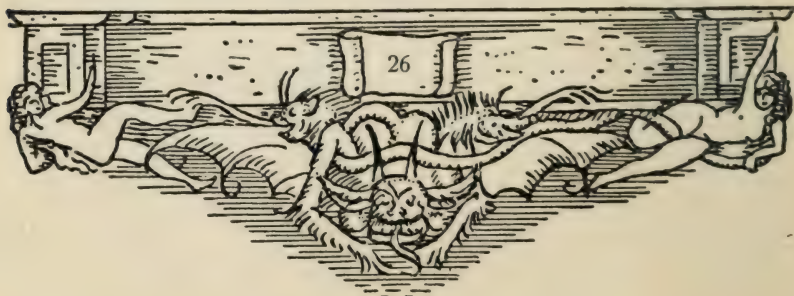
въ день пришествія своего въ обитель, освѣнилъ себя крестомъ — и голуби истаяли въ розовомъ небѣ. Но вновь услышала тотъ же смѣхъ, уже болѣе близкій и явственный. И тогда, возлѣ освѣщенной вечернимъ солнцемъ стѣны, какъ бы вышедшую изъ стѣны, узрѣлъ инокъ Еразмъ невѣдомую дѣву. — Кто ты? — спросилъ инокъ Еразмъ, удерживая руками сердце, содрагающееся отъ страха и иного, невѣдомаго трепета. — Имя мнѣ — Марія, — отвѣчала дѣва. — Я жила въ Египтѣ. И вотъ по молитвѣ твоей я послана къ тебѣ. Пораженный чудеснымъ знаменіемъ, Еразмъ упустилъ даже вновь освѣтить себя крестомъ, но тотчасъ, припавъ, сталъ лобызать одежду

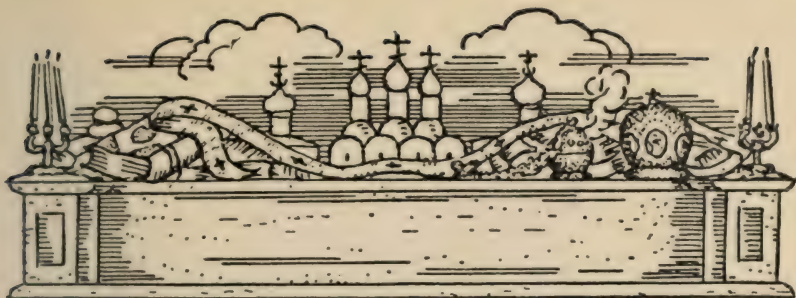

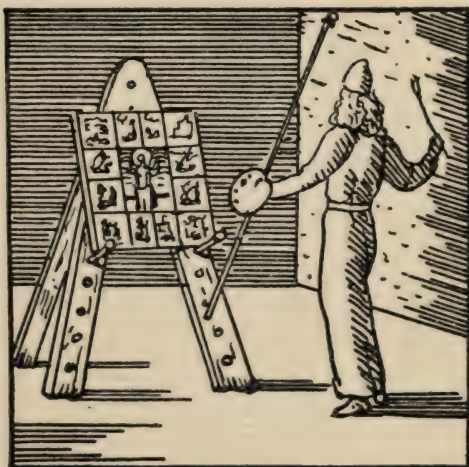
явившейся дѣвы, отъ ногъ ея и выше. И ощутилъ запахъ — невѣдомый, но какъ бы всегда жившій въ его сердцѣ до того часа. И все вышло въ Еразмъ и устремилось неудержимо къ преподобной дѣвѣ, какъ неудержимо возстае къ солнцу напряженное весеннимъ сокомъ стебле травъ. Устыженный отошелъ Еразмъ и, опустивъ глаза, тѣмъ же исправилъ одежду свою такъ, чтобы не узрѣла святая дѣва

волненія его. Но дѣва назвала его по имени — голосъ ея пронизалъ сердце Еразма, какъ нѣкій сладостный мечъ — и такъ сказала Еразму: — Почто, неразумный юношъ, смущается сердце твое. Приблизься. Ужели забылъ ты наставленія учителя твоего

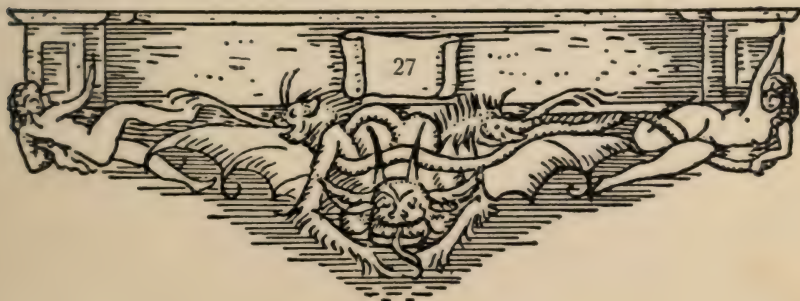

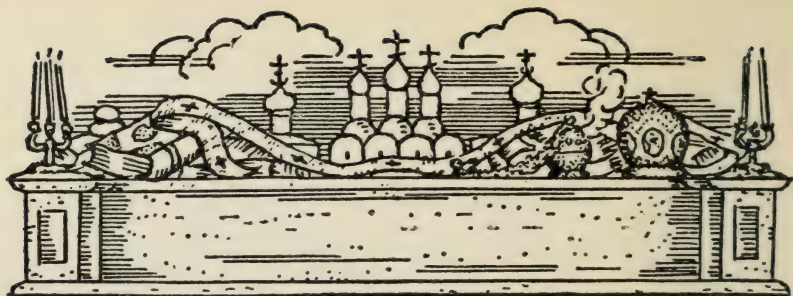

Памвы и забылъ, за-
чѣмъ я на краткій
срокъ послана тебѣ.
Тогда Еразмъ, престу-
пивъ смущеніе свое,
приблизился къ дѣвѣ,
съ трепетомъ развязалъ
поясъ ея и отстегнулъ
запонъ вверху. До по-
ловины спалъ съ нею
бѣлый хитонъ, и пред-
стала передъ Ераз-
момъ невѣдомая ему
дотолѣ тайна персей.
Были онѣ какъ двѣ
волны, чудеснымъ вель-
ніемъ Божиимъ высоко
возставшихъ на спокой-
номъ морѣ, а осѣдаю-

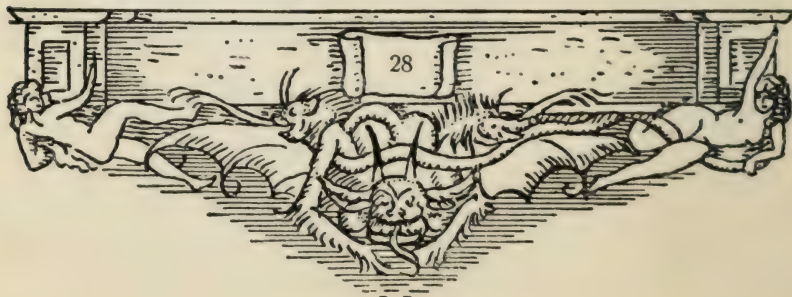
щее за край земной солнце на острыхъ вершинахъ тѣхъ волнъ
зажгло алая пламена. И радуясь увѣданной премудрости Творца,
Еразмъ, слѣдуя наставленію старца Памвы, сталъ со тѣніемъ
изучать открывшееся. Подобно апостолу невѣрному Өомѣ, не вѣрилъ

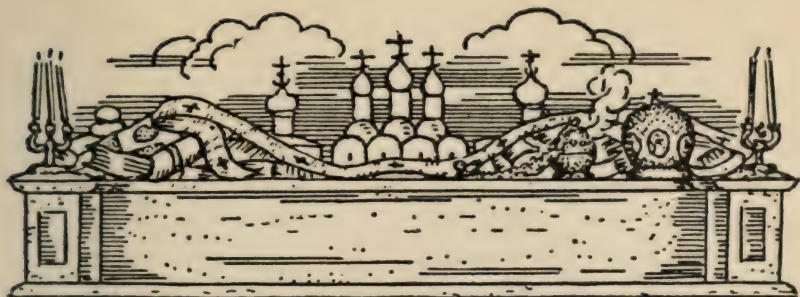

онъ зрѣнію только, но погружалъ свои персты въ нѣжныя и прохладныя волны, и всякій разъ все глубже ощущалъ въ сердцѣ своемъ сладостный мечъ, и какъ бы въ нѣмкой блаженной смерти огненными каплями истекаетъ изъ него жизнь. — Но еще не все ты позналъ, — сказала, улыбаясь дѣва. — Спѣши же, ибо лишь на краткій срокъ я послана къ тебѣ. И весь трепеща въ предчувствіи тайны

еще прекраснѣйшей и нѣжнѣйшей, юный инокъ отстегнулъ нижній запонъ. Но въ тотъ часъ, когда готова была уже послѣдняя тайна предстать передъ нимъ, услышалъ онъ легкій, какъ бы отъ лопнувшего сосуда звонъ, и дѣва безслѣдно исчезла. А въ

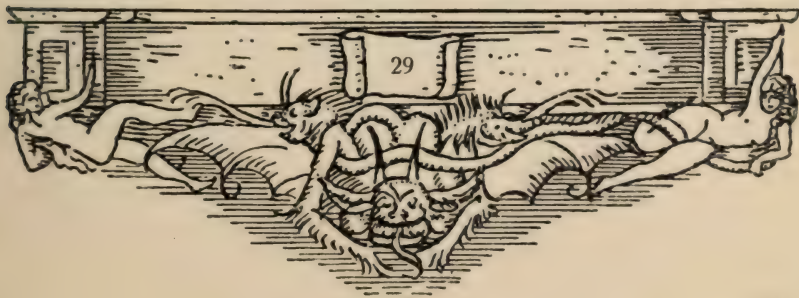

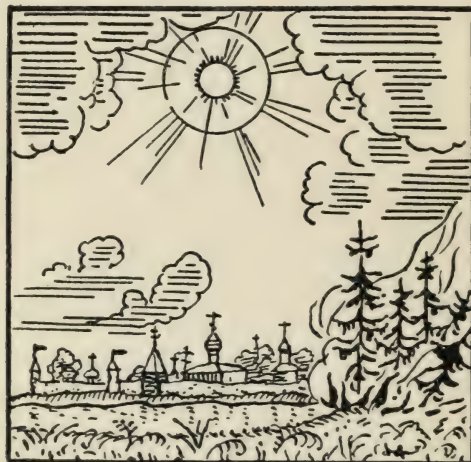
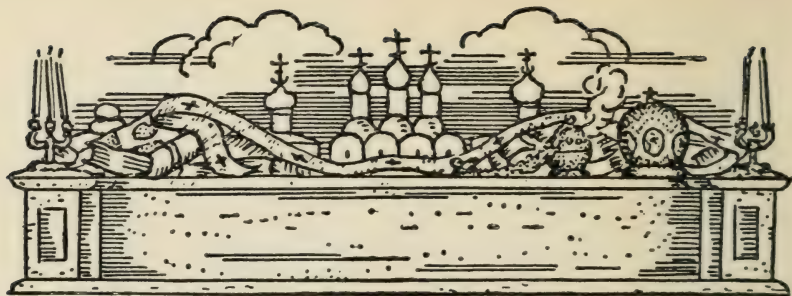

дверяхъ келіи уви-
дѣлъ Еразмъ блажен-
наго Памву. Былъ
онъ гнѣвъ, и сѣдя
брови его были рас-
простерты, какъ вос-
крытіе, и весь онъ
былъ, какъ грозная,
летающая на защиту
птенцовъ своихъ, пти-
ца. И громкимъ го-
лосомъ спросилъ Пам-
ва, сказавъ: — Что
дѣлалъ ты, злоумный?
И кто былъ съ то-
бою? И не таясь,
все разсказалъ Еразмъ
мудрому старцу: какъ
со слезами молился

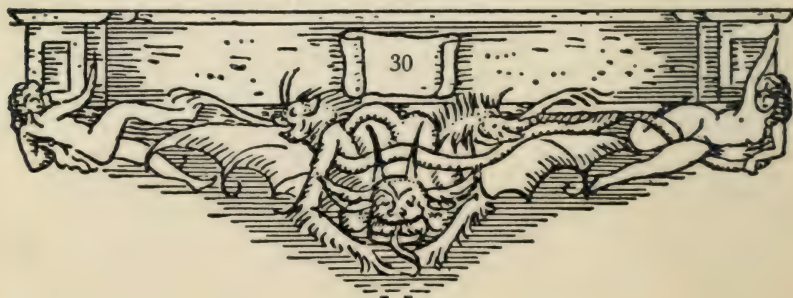
онъ, чтобы преподобная дала познать ему тѣло жены, да-
прославить онъ достойно ея честное тѣло, и какъ по мо-
литвѣ явилась ему она, и какъ узналъ онъ все, кромѣ лишь
нѣкой, послѣдней, тайны. Не мало смущенъ былъ блаженный

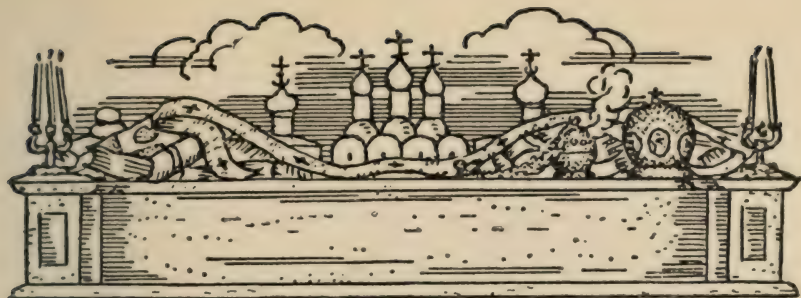

Памва тѣмъ, что по-
вѣдалъ Еразмъ, ибо не
имѣлъ старецъ твердой
вѣры, что отъ Бога
было видѣніе Еразму,
а не отъ бѣса. И мудро
сказалъ Еразму: — Воз-
благодари пославшаго
тебѣ помощь въ трудѣ
твоемъ для прославлені-
я преподобной. Но
помни: ту, послѣднюю,
тайну — нехѣтъ иноку
знать, и тебѣ, въ ху-
дожествѣ твоемъ, тай-
на та не нужна. Иди
же и спи съ миромъ.
Но не миренъ былъ
сонъ Еразма: было его

ложе изъ углей, и до утра ощущалъ онъ неумиримое, непреклон-
ное устремленіе къ той, послѣдней, тайнѣ, и до утра погружалъ
онъ персты въ жемчужныя, чудомъ возставшія на спокойномъ
морѣ, волны. А на утро, сотворивъ обычное иноческое метаніе

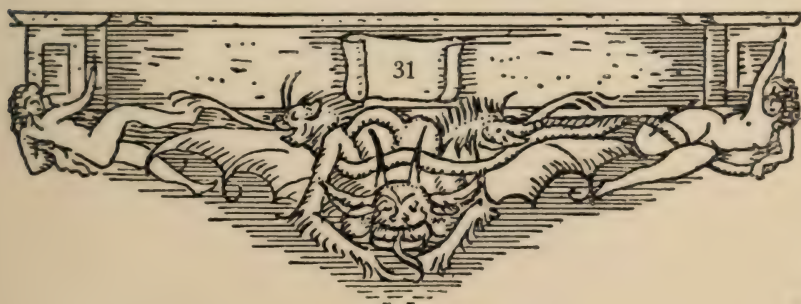

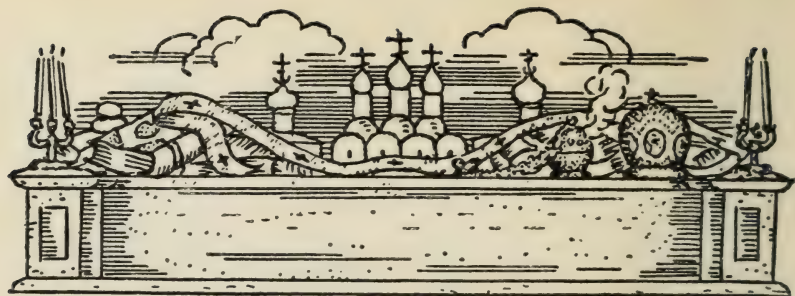

передъ старцемъ, омылъ онъ кисти, и трепетно вспоминая открывшеся вчера, приступилъ къ исправленію того, что было указано наставникомъ его въ художествѣ — блаженнымъ Памвой. Вскорѣ окончень былъ образъ. Со вниманіемъ осмотрѣлъ его блаженный Памва и увидѣлъ, что теперь преподобная не только ликомъ, но и тѣломъ была женою изъ жень, и даже помнилось старцу, что

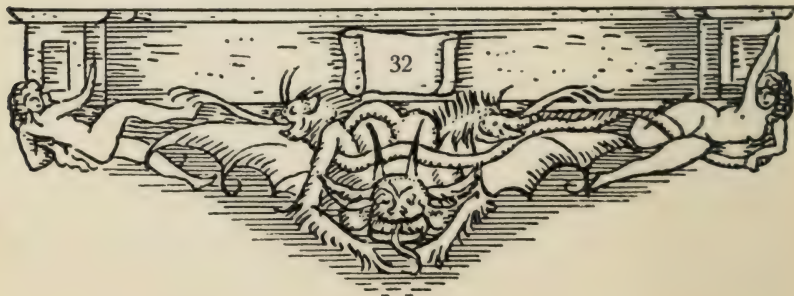
сквозь облачно-бѣлая ея одежды тлѣютъ остріями легчайшаго пламени перси. Но о томъ не сказала Еразму, помысливъ про себя, что лишь видитъ онъ, какъ обычно, сквозь одежды женскія, какъ если бы были онъ изъ стекла. И взмахнувъ воскрыліемъ бровей, благословилъ Еразма,

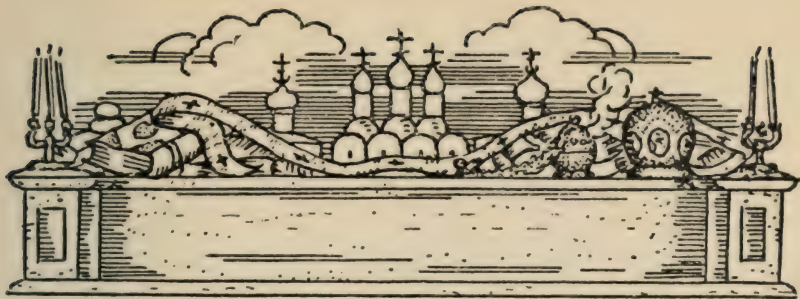

сказавъ: — Вижу, гореніемъ къ преподобной полонъ духъ твой. Не гаси же горенія того, пока не кончишь писанія образа. Но если бы даже и хотѣлъ, уже не могъ Еразмъ погасить въ себѣ горенія того. Старецъ же Памва, по сихъ словахъ, оставилъ обитель, призванный къ одру недугующаго князя страны той. Выходя изъ вратъ, еще разъ оглянулся блаженный старецъ на золотыя, среди зелени, главы храма — и

увидѣлъ: повисши на вѣтвяхъ древнихъ схимницъ-липъ гроздьями качаются бѣсы, какъ отроившіяся пчелы. И содрогнулся старецъ отъ темныхъ предчувствій новыхъ и небывалыхъ бѣсовскихъ козней, но выйти изъ воли князя не могъ. Въ отсутствіи Памвы

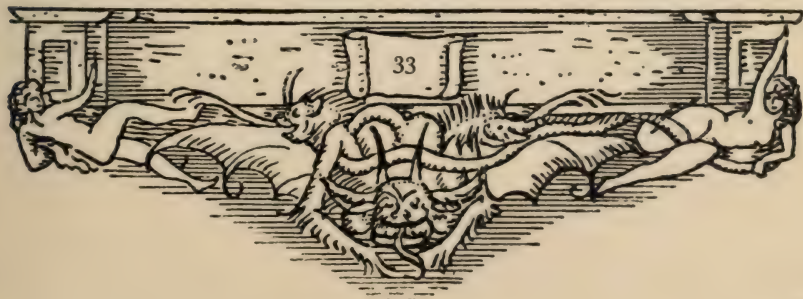

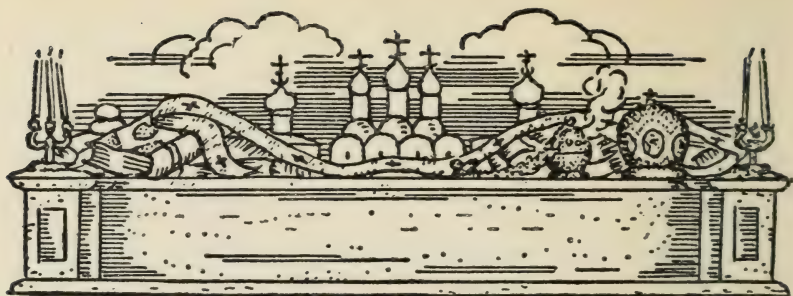

пищу Еразму приносили большой хлѣбный старецъ именемъ Сампсонъ. Былъ онъ, какъ древній Сампсонъ, великъ и мощенъ тѣломъ во всемъ до послѣдняго, и не было у него растенія волосъ ни на головѣ, ни на лицѣ, и нигдѣ на тѣлѣ, отчего былъ онъ какъ бы дважды нагъ, и по велѣнію Памвы даже въ лѣтнюю пору носилъ онъ на себѣ не менѣе трехъ одеждъ. А отъ вида женскаго, хотя бы и не въ

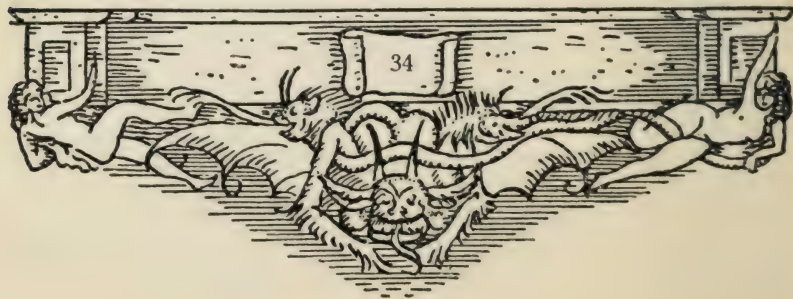
естествѣ, но лишь въ изображеніи, бывалъ онъ буенъ безъ мѣры. И опасаясь того безмѣрнаго буйства, Еразмъ принималъ отъ хлѣбнаго старца пищу сквозь дверное отверстіе. Съ утра весь день пламень источался отъ солнца; отъ суши великой

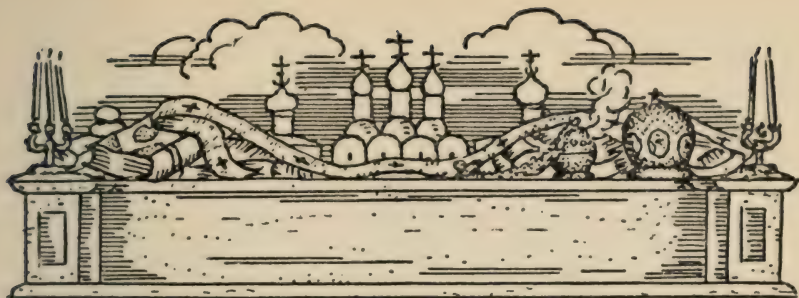

вдали, за озеромъ, горѣли травы и лѣса. И какъ бы вмѣстѣ съ травами изгоралъ, не сгорая, Еразмъ, и на гладкомъ кипарисовомъ древѣ возникали образы страстного житія преподобной. Двери въ храмину, и у дверей тѣхъ — длинная череда юношей и мужей александрийскихъ, съ почернѣвшими отъ жажды лобзаній устами, — какъ бы череда воиновъ уже подъявшихъ тяжкое, закаленное огнемъ оружіе свое и

ждушихъ ринуться на врага, чтобы на смерть пронести его тѣмъ оружіемъ. И ниже, въ золотомъ обрамленіи — самая храмина, бѣдная и бѣлая — ибо въ бѣдности жила преподобная и не взидала мзды за красоты тѣла своего. Въ храминѣ

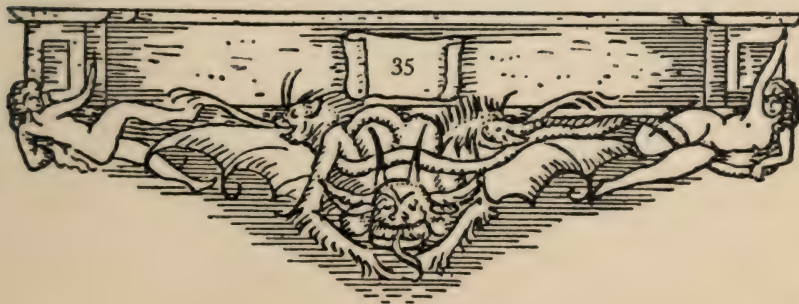

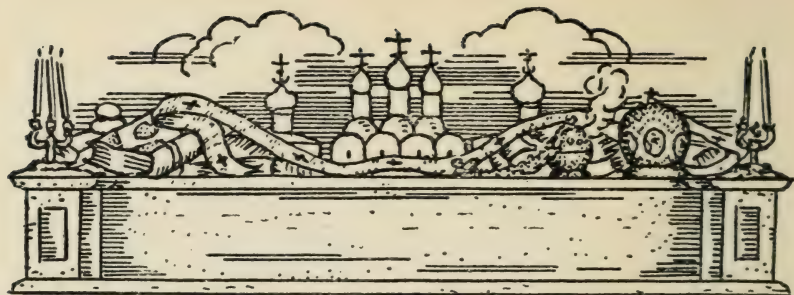

— убогое и роскошное ложе из травъ, а на зеленомъ ясписѣ травъ — золотой плодъ: нагота преподобной, и жалятъ взоръ четыре расцвѣтшихъ алыми чашами цвѣтка. Но тайну усть и персей, по сказанному, уже зналъ Еразмъ; четвертой же, послѣдней, тайны не вѣдалъ еще юный инокъ, и не изъ двухъ, но изъ трехъ алыхъ лепестковъ сложило онъ эту послѣднюю тайну, отчего

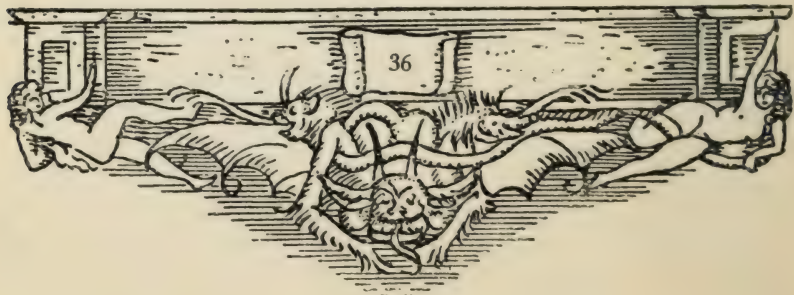
для взираваго была она еще губительнѣй и необоримѣй. И въ новомъ обрамленіи изъ краснаго золота цвѣли тѣ цвѣты на обуюнномъ бурями кораблѣ, и корабельщики, забывъ о волнахъ морскихъ, вздымались и падали на иныхъ, огненныхъ волнахъ. И далѣе въ

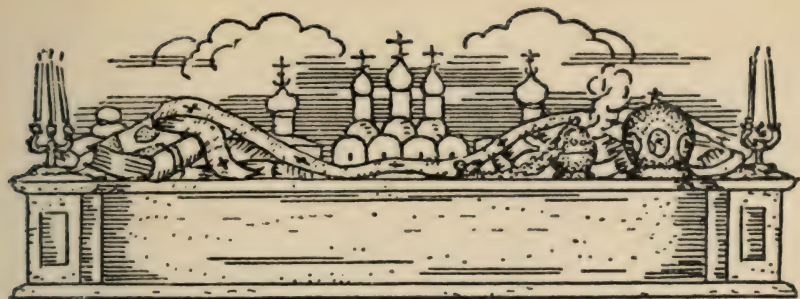

опаленной, соломенно-желтой пустынь, преподобный Зосима встрѣчалъ Марию, и въ страхѣ совлекши съ себя одежду бросалъ ей, дабы не погибнуть, увидѣвъ прелесть наготы ея, но вѣтромъ пустыннымъ уносило одежду, и стоялъ Зосима, прискорбно опустивъ глаза долу на разженіе свое. И такъ, до самаго блаженнаго представленія преподобной Маріи, написалъ Еразмъ все ея стра-

стное житіе. Былъ напитанный солнечной кровью закатный часъ, когда кончилъ онъ все. Въ тотъ часъ, какъ обычно, хлѣбный старецъ Сампсонъ принесть Еразму вечернюю трапезу. И восторгнутый отъ всѣхъ мыслей и опасеній ежедневныхъ, вскричалъ Еразмъ

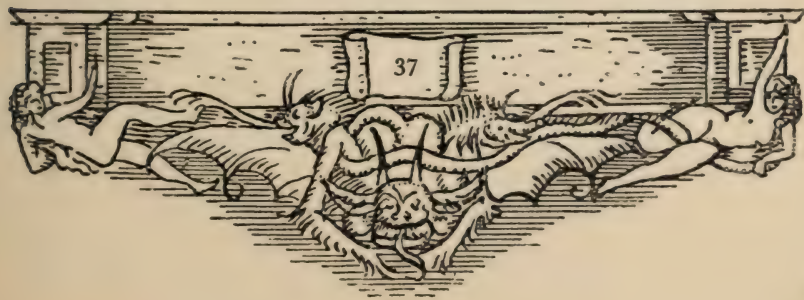

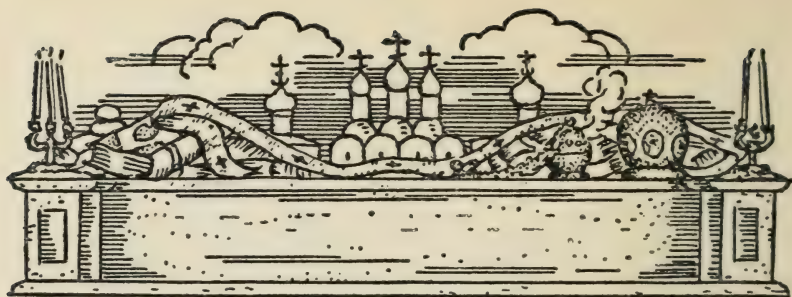

къ старцу, сказавъ:
— Великъ часть сконча-
нія пути. Войди, братъ
Сампсонъ, и скажи мнѣ,
какъ видишь. — Опасно
мнѣ, братъ, — отвѣ-
чалъ Сампсонъ сквозь
дверное отверстіе.
Войди, говорю тебѣ. —
Съ нетерпѣніемъ и
гнѣвомъ сказалъ
Еразмъ. И чтобы не
вводить въ гнѣвъ
брата своего, вошелъ
Сампсонъ. И увидѣвъ,
покачнулся на ногахъ,
какъ если бы обре-
менены были ноги его
нѣкой внезапной тя-

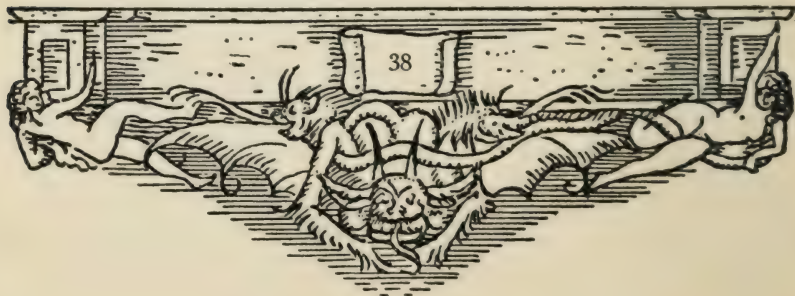
жестью, и взревѣвъ яростно, палъ ницъ и сверлилъ холодный зем-
ляной полъ келіи. Въ страхъ взялъ Еразмъ сосудъ съ принесенной
ему старцемъ водой и вылилъ ту воду на неистоваго Сампсона.
Тогда всталъ Сампсонъ, разодралъ на себѣ одежду и, дважды нагой,

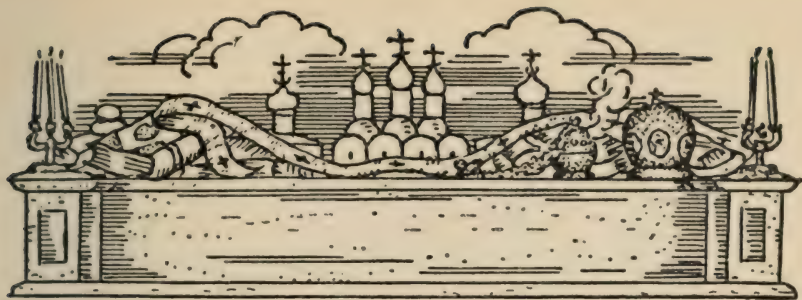

воскликнулъ: — Горе мнѣ, окаянному! Вотще сила моя исходить! И пробивъ келійную дверь, вышелъ вонъ. И настала ночь, страшная происшествіями и знаменіями. Среди дымной тьмы, освѣщая себѣ путь восковыми свѣчами, бѣгали иноки, напинаясь на могильные кресты. Въ дальнемъ углу, за хлѣбнымъ подваломъ, открывалось и вновь закрывалось огненное окно: тамъ ковали хлѣбнаго

старца Сампсона въ цѣпи, дабы не повредилъ онъ деревьевъ, и утвари, и строеній обительскихъ, ибо могъ онъ силою своею прободать все. А нѣсколько выше кровель, тамъ, гдѣ нѣкогда повисла показанная Памвою туча, всю ночь слышался легкій, какъ бы отъ

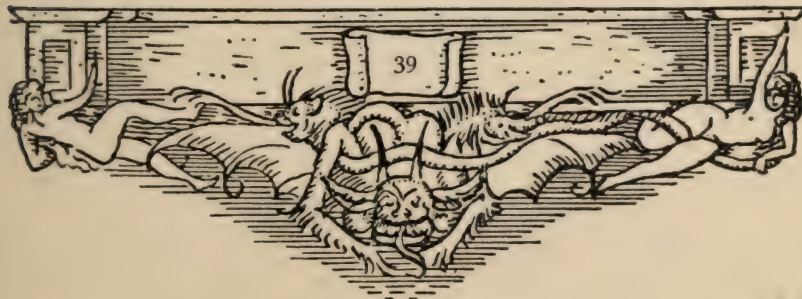

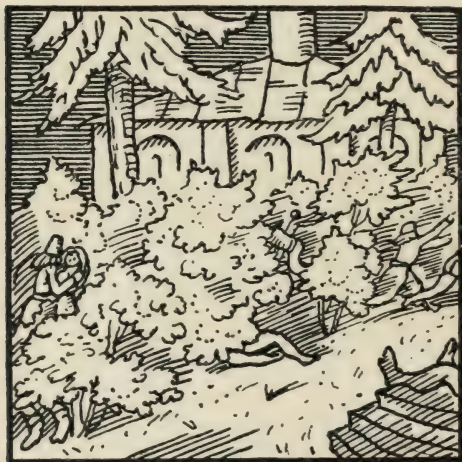
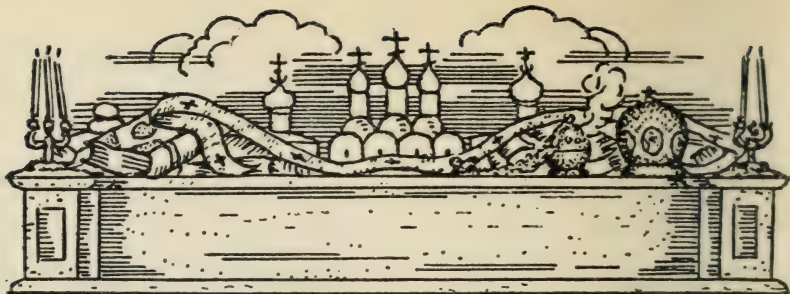

щекотанія, смѣхъ, и скрипъ нѣкій, и капала внизъ ужасная, подобная бѣлой росѣ, смола. Встало солнце, багровое сквозь дымъ, и увидѣли: въ ночь нѣкимъ чудеснымъ изволеніемъ расцвѣли всѣ деревья и травы, широко отверзая алая, и розовыя, какъ тѣло, и бѣлыя, какъ жемчугъ, чаши, и источая прелестныя благоуханія. И повсюду — на деревьяхъ, и въ чашахъ цвѣтовъ, и на крестахъ могильных, и

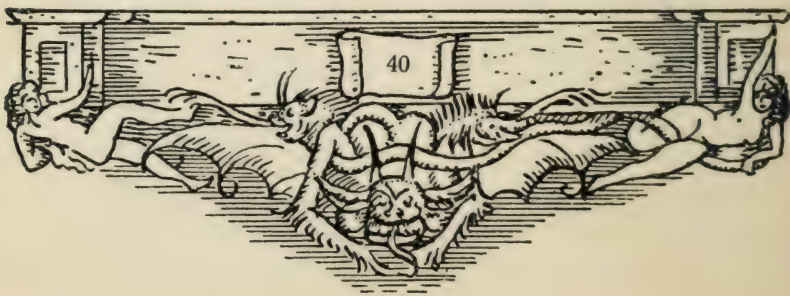
на рѣшеткахъ оконъ, и въ со судахъ для питья, и на плечахъ иноковъ — повсюду видны были акриды, съ крыльями, какъ бы изъ небесной радуги, и трепетали крыльями, соединившись попарно. Не слыша обычнаго заутренняго била, но вмѣсто того — смятеніе и

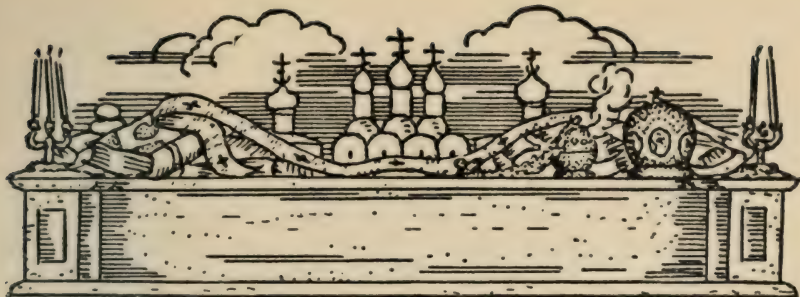

воплъ, вышелъ Еразмъ къ братіи и сказалъ: — Что мятетесь, братія? Не бойтесь, но возьмите изъ келии моей образъ чудесно явившейся мнѣ преподобной, и она, възрю, исцѣлитъ васъ. И сказавъ такъ, вновь затворился Еразмъ въ своей келии, помня послушаніе, положенное на него старцемъ Памвою. Братія же, по слову Еразма, взяла написанный имъ образъ Маріи Египетской въ житіи, и, водрузивъ

образъ предъ вратами обители, построила надъ нимъ сѣнь изъ цвѣтовъ. Но лишь начали молебное пѣніе и съ надеждой вознесли взоры на образъ, какъ явственню увидѣли пламенѣющіе на распростомъ золотомъ тѣлѣ четыре алыхъ цвѣтка — и послѣдній, четвертый, волею

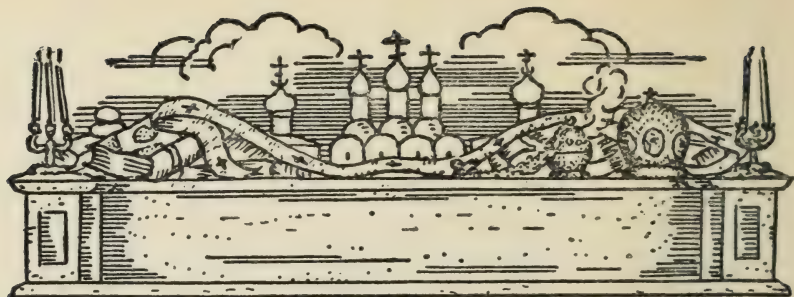

и невѣдніємъ Еразма сложенный не изъ двухъ, но изъ трехъ лепестковъ. И внезапно обуялъ всѣхъ огнь страстный, и были всѣ, юные иноки и равно древніе старцы, какъ тѣ мужи александрійскіе у дверей храмины, готовые пронзить поднятымъ оружіемъ своимъ излюбленнаго врага. Въ тотъ же часъ оставленный безъ стражи Сампсонъ порвалъ крѣпкія цѣпи и, прободавъ все на пути, явился предъ братіей,

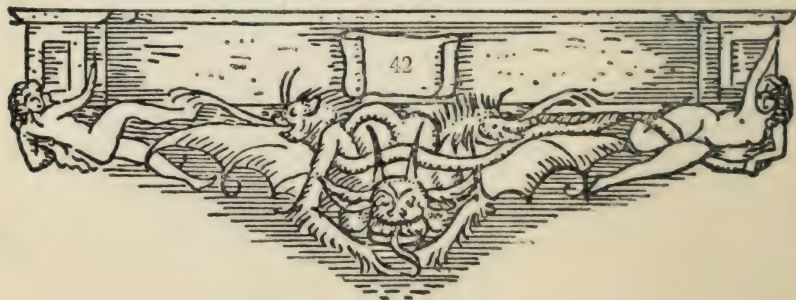
дерзновенно, на гласъ четвертый, исповѣдуя жажду смѣшенія. Вратарь же, услышавъ какъ бы молитвенное пѣснопѣніе, открылъ врата многимъ, чаявшимъ войти въ обитель, женамъ, и дѣвамъ, и мужамъ мірскимъ. И всѣ вошли, и на травахъ, на чистѣйшихъ

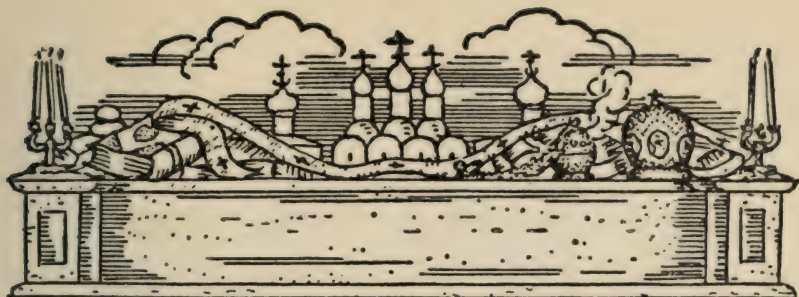

доселѣ плахахъ во дворѣ обители, на ступеняхъ келіи, подѣ сѣнью расцвѣтшихъ за ночь кустовъ — всюду началось неслышанное. И какъ ночью, вновь слышенъ былъ на высотѣ кровель смѣхъ, какъ бы отъ щекотанія, и скрипъ, и орошались травы ужасной росой. Но лишь одинъ, возвратившійся отъ князя той страны, старецъ Памва видѣлъ надъ обителью тучи веселящихся и плещущихъ крыльями бѣсовъ.

И болѣе того: никто изъ одолѣнныхъ бѣсами иноковъ не видѣлъ гнѣвнаго лица старца, ни взмахнувшего, какъ бичъ, воскрылія бровей его, и никто не слышалъ его громкихъ, устыжающихъ словъ. Тогда уразумѣлъ старецъ, что на малый часъ побѣдили бѣсы и

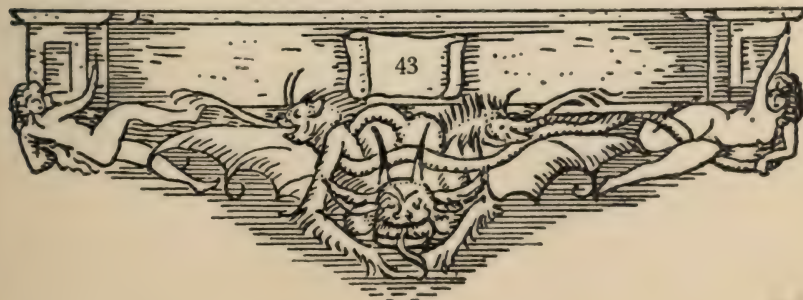

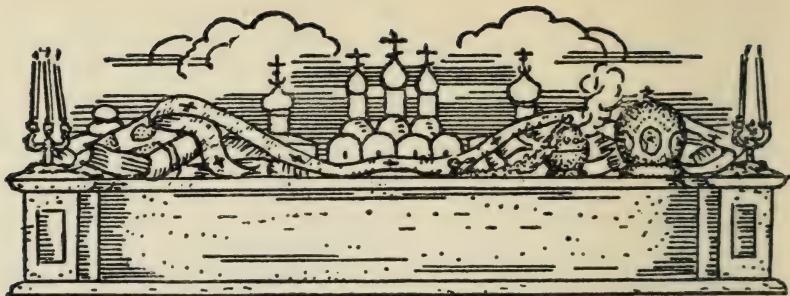

что пока не истре-
бить онъ бѣсовскаго
огня, въ творящемъ,
того не вѣдая, соблаз-
ны юномъ Еразмъ —
до того часа въ оби-
тели будутъ властво-
вать бѣсы. И вошелъ
старецъ въ свою ке-
лію, и изъ своей келіи
— въ келію Еразма.
И увидѣлъ Еразма —
единого въ обители
безъ жены возлежав-
шаго на ложѣ своемъ.
Но ланиты его были
палимы невидимымъ
огнемъ и изсохшими
устами пилъ онъ отъ

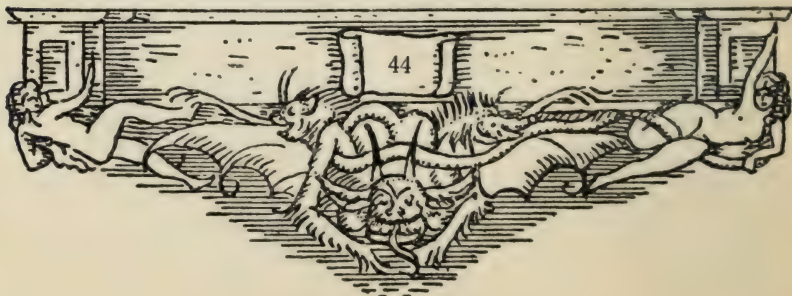
невѣдомой ему четвертой тайны. Затворивъ двери и окна, дабы не
смущать сердце свое шопотомъ и шорохами неистовства, долго мо-
лился блаженный Памва. По молитвѣ же сошло на него разумѣніе,
и услышалъ онъ голосъ, какъ бы внутри себя, говорившій: „Спусти

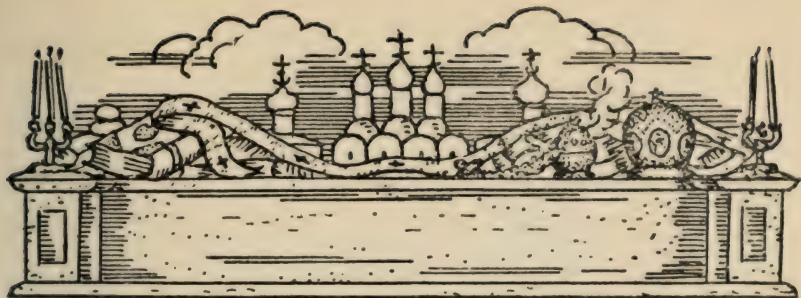

стрѣлу, и ослабнѣть тетива, и уже не будетъ болѣе смертоносенъ лукъ“. И сказалъ себѣ: „Истинно такъ“. И вновь молился, и предстала предъ нимъ являвшаяся Еразму дѣва, именовавшая себя Маріей. — Взявъ старецъ за руку ту дѣву и ввелъ ее въ келію Еразма, и сказалъ ему такъ: — Встань, Еразмъ. По милости своей, вновь является тебѣ преподобная дѣва. Возьми же ее и увѣдай четвертую,

последнюю, тайну. Ибо вижу я нынѣ: изображающему твореніе — надлежитъ вѣдать всѣ тайны Творца. И увидѣвъ, какъ совлечь Еразмъ съ нѣжнаго тѣла одежду, и вновь коснувшись трехъ первыхъ тайнъ, со стенаніемъ погрузился въ последнюю. И погрузилось

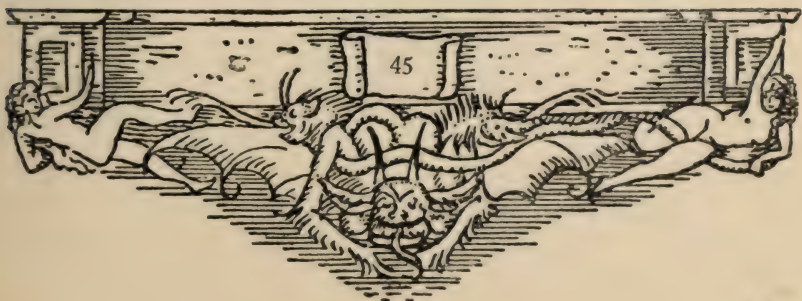

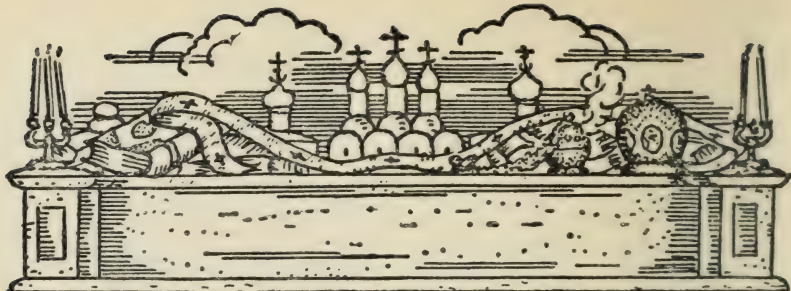

солнце въ воды озера за обителью, и на невинно — бѣлой одеждѣ стѣны проступило красное, какъ кровь, пятно. И въ то-же мгновеніе опали цвѣты съ деревьевъ и травъ, истлѣли радужныя крылья акридъ, истаяли бѣсы, какъ воскъ, и устыженная, во тмѣ разошлась братія по келіямъ. Блаженный же Памва вышелъ во дворъ обительскій и, благословивъ, отпустилъ изнеможенныхъ

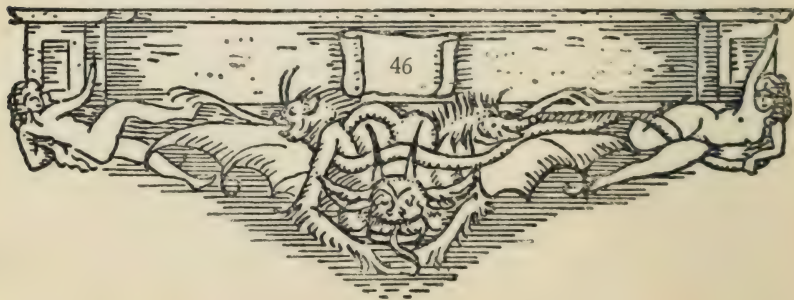
женъ и дѣвъ, сказавъ имъ: — Идите съ миромъ, ибо ничто въ мірѣ не творится безъ изволенія Творца, даже и грѣхъ, и все ко благу. Съ того дня отпали отъ Еразма невидимые бѣсовскія цвѣты и исцѣлялъ онъ отъ бывшаго въ немъ одержанія. Безбоязненно отпустилъ его

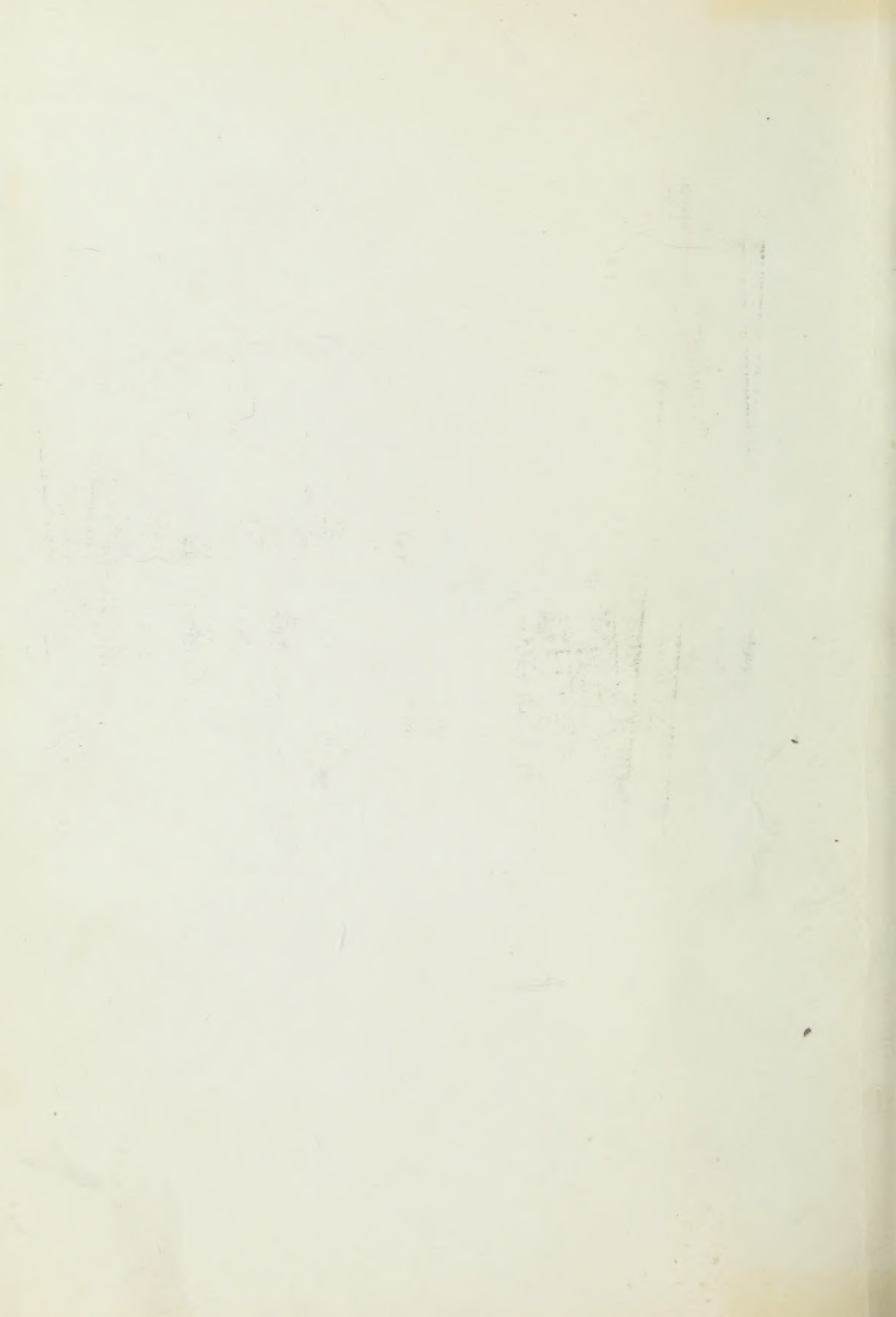
старецъ Памва жить съ братіей, и когда читаль Еразмъ во храмъ — не было уже соблазна отъ чтенія его, и когда писалъ онъ лики святыхъ — то писалъ, какъ всѣ, во славу Божию, а не дѣвольскую. И подвигами иноковъ прославилась обитель во всей странѣ той. Память же о темныхъ соблазнахъ бѣсовскихъ, о страшныхъ знаменіяхъ и необычайныхъ происшествіяхъ молитвою блаженнаго

Памвы была истреблена, какъ весенній снѣгъ солнцемъ. И лишь я, недостойный схимникъ Иннокентій, съ благословенія мудраго старца записаль все къ назиданію и руководству игуменовъ нашей обители. Простымъ же инокамъ не дозволено чтеніе сей записи.

PRESSE:
DR. SELLE & CO. A.G.
BERLIN

PG
3476
Z34
Q2

Zamiatin, Evgenii Ivanovich
O tom, kak ist³selen byl
otrok Erazm

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW

D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 16 06 10 11 001 4